

[Polaris]

Я. ЛОВИЧ

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ

Том 1

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXIV

Salamandra P.V.V.

**Яков
ЛОВИЧ**

ЧТО ЖДЕТ РОССИЮ

Роман

Том I

Salamandra P.V.V.

Лович (Лович-Дейч) Я. Л.

Что ждет Россию: Роман. Том I. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 134 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXXIV).

«Перед нами удивительно продуманная, тонкая, могущественная пропагандная организация, опутавшая весь мир клейкой паутиной. В пропаганде большевики идеальны. Они разбросали по всей Европе и другим частям света шпионов, агитаторов, тысячи агентов; они скупают и подкупают газеты, книгоиздательства и т.д.; они открыто и тайно ведут агитацию, выпускают брошюры, книги, создают общественное мнение, заполняют прессу ложными сообщениями. Они умело пользуются религиозными и национальными распрями, расовой ненавистью, возмущениями на политической и экономической почве».

Но одной пропаганды недостаточно — и в недрах ГПУ и Коминтерна зарождается план грандиозной провокации. Убийства политических противников призваны расчистить путь к покорению Европы. И вот уже Красная Армия марширует по Парижу...

Фантастический роман известного беллетриста «русского Китая» Я. Ловича «Что ждет Россию» (1932) продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

Я.ЛОВВИЧ

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РУНОР

1932 г.

**ЧТО
ЖДЕТ РОССИЮ**

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Белокурая красивая женщина, в темном дорожном платье, сошла с трамвая на парижской площади Шатле. Что-то было странное в лице женщины, в ее поведении: какая-то тревога, ожидание, волнение, страх, решимость. Но по некоторому беспорядку в ее костюме, по усталому лицу и небольшому дорожному несессеру в ее руке можно было легко заключить, что женщина только что с поезда и что она сделала какой-то большой, трудный путь.

Но здесь, в Париже, она, видимо, не была новичком. Она уверенно направилась в сторону Place de l'Hôtel-de-Ville*.

Женщина прошла через один из скверов этой площади, но неожиданно должна была остановиться. Бесконечный поток войск, идущих мимо Городской Думы, преградил женщине дорогу. Ряд за рядом шли рослые, светловолосые люди в серых шлемах с красной звездой, дробно стуча сапогами, поблескивая острыми иглами штыков.

Группа парижан остановилась и с мрачным любопытством разглядывала этих веселых, чуждых людей. Женщина с несессером также остановилась, покорно выжидая, когда можно будет пройти. И сразу приковала жадное внимание всей этой массы мужчин.

— Эй, молодка! — крикнул один из солдат. — Ты таких видела, как мы?

— Ты с калужскими не зналась?

— Славная баба!

— Ай, хороша французинка! Белая какая!

Женщина равнодушно и спокойно слушала эти солдатские выкрики и шутки. Только когда один из солдат вышел из рядов и подбежал к ней с явным намерением обнять ее, она гневно отскочила в сторону и крикнула по-русски:

* Площадь Отель-де-Виль, находящаяся перед городской мэрией в 4-м арондисмане Парижа (Здесь и далее прим. ред.).

— Оставьте меня! Не смейте!

— О, да ты русская! — удивленно протянул солдат. — *Извиняюсь!*

Он вернулся в строй. Последние ряды прошли мимо. Женщина задумчиво посмотрела им вслед. Неожиданно поразила мысль, как странно появление здесь, на парижской площади, красных солдат. Она читала об этой старинной площади, которая когда-то называлась Гревской. Здесь купались в крови парижские санкюлоты, так как площадь была местом казней. Здесь производил свои первые кровавые опыты странный чудак, доктор Гильотен, мечтавший осчастливить человечество безболезненными казнями с помощью своей странной машины. Здесь французская революция вершила свой суд. Эта Гревская площадь была сердцем революции, которому нужна была для правильной работы и питания кровь аристократов. Эта Гревская площадь была тесно и верно связана с историей Франции, с бытием французского народа. И идеи, которые были брошены отсюда по всему миру, как бросают семена на ветер, теперь, почти через полтора века, привели сюда, на эту же самую Гревскую площадь, бесконечные ряды новых, закованных в железо санкюлотов из далекой Москвы.

Женщина встряхнула головой и решительно пошла к зданию Городской Думы. Над средней башней, высоко над часами, висел красный флаг. У дверей одного из входов стояли часовые. Один спросил женщину:

— Вам, гражданка, что надобно?

— Мне нужно справочное бюро советских армий.

— Второй этаж.

В бесконечных коридорах сновали сотни военных. С трудом женщина пробралась к нужному столу. Там сидел человек с бритой головой, в защитной военной куртке. Женщина показала ему бумажку с печатью.

— Так. Вас зовут Вера Лозина. Вы служили при отделе товарища Зибера машинисткой. Так. Что же вам нужно сейчас?

— Адрес Зибера.

— Гм... это очень просто. Вы Париж знаете?

Женщина кивнула головой.

— Ну, вот... так он живет при штабе 58-ой дивизии, на улице Вивьенн, около Национальной библиотеки. Вы сразу увидите наших часовых.

Женщина поблагодарила задрожавшим голосом и пошла к выходу. В коридоре она вдруг зашаталась и бессильно прислонилась к стене. Какой-то солдат предложил ей сесть на скамью.

— Что с вами?

— Ничего... это пройдет, — слабо прошептала женщина.

— Я очень устала за дорогу и мало ела. Я только что из поезда... я приехала с солдатским эшелоном из Берлина. Я немного отдохну и уйду. Спасибо... не беспокойтесь.

Солдат отошел, а женщина подумала, что совсем не потому ей стало дурно, что она устала. Не то, не то... Радость этого свидания... и тревога за жизнь Зибера подкосили ноги. Она его сейчас увидит! Как и что скажет она ему?

Против воли вдруг нахлынули на нее воспоминания. Их первая встреча — здесь, в Париже. Этот дикий, сумасшедший план, который он придумал. Потом поездка в Москву, предательство, расстрел Малявина. Болезнь, путешествие в Берлин.

Она перенеслась в недавнее прошлое, на несколько месяцев назад, к одному вечеру... здесь, в Париже, когда все это началось, когда она встретила Зибера, когда завязался клубок необыкновенных, удивительных событий...

Вот что вспомнила женщина...

Часть первая

«СОЮЗ РАСПЛАТЫ ЗА РОССИЮ»

Глава 1

ЗАВЯЗКА СТРАННЫХ СОБЫТИЙ

Отпив несколько глотков воды из стакана, оратор продолжал с новым подъемом:

— Итак, никто не может опровергнуть того положения, что жажда борьбы с большевиками угасает в эмигрантском мире. Как много мы слышали в разных углах этого мира призывов к борьбе, сколько речей отзвучало в наших ушах, сколько статей написано, сколько книг издано. Где результаты? Мы расходились после заседаний различных съездов возбужденные, наэлектризованные, с горячей верой в то, что спасение России близко, что наконец-то наши лучшие люди, наши ходатаи за Россию, забыли свои распри, объединились и поставили своим девизом только одно общее, связующее, спаивающее слово: «родина». Мы верили этим людям и, наивные и далекие от угара партийной борьбы, думали, что теперь построен единый стальной антибольшевистский фронт.

Но разочарования наступали быстро. Кончались заседания съездов — и с ними кончалось казавшееся прочным и несокрушимым новосозданное объединение. Начиналась прежняя борьба партийных страстей, мелкие эгоистические выпады одного политического вождя против другого, начиналось и заканчивалось быстрое разрушение антибольшевистского фронта. Потом снова съезды, снова речи, статьи — и снова провал...

В чем и где проявилась работа наших политических вождей, где мы видим результаты таких многообещающих решений, речей и резолюций? Ведь не в том же, что большевики все прочнее усаживаются на шею России и не в том, что 3. Европа примирилась с властью большевиков в России. Наши политические вожди — добрые патриоты, они искренне хотят счастья России, но что в этом хотении, когда за годы пустых речей они не только не свергли больше-

виков, но не могли даже воспрепятствовать их переговорам с Европой.

Министры 3. Европы не бывали на съездах русских эмигрантов, но они охотно беседуют с большевиками, устраивают с ними конференции, сознательно или бессознательно продолжают политику добивания России. А время идет, сатанинская власть укрепляется в России, всасывается в быт, становится привычной. Вы понимаете ужас этого медленного, но верного укрепления большевиков, сознаете ли вы, как неуклонно падает сопротивление злу, как всякий протест замирает в груди скованного народа, который, как зачарованный, спит и, может быть, ждет лишь легкого толчка, чтобы проснуться?

Я собрал вас сюда, дорогие друзья и единомышленники, чтобы, при дальнейших встречах, своими скромными, бедными силами обсудить, как и что мы могли бы сделать для своей родины, как помочь ей в ее горе или... или чтобы окончательно сознаться в своем бессилии. Большинство из нас никогда не имело дела с политикой, мы люди, далекие от партии: но, может быть, в этом наша сила, ибо для нас нет другого девиза, кроме слова «родина». Вожди эмигрантского мира кричат нам: «Любовь к родине, жизнь для нее, смерть за нее!» Не найдем ли мы, скромные люди, своими силами, ответа на этот призыв? Когда-нибудь, — я верю, скоро, — Россия, воскресшая, могучая и прекрасная, спросит нас: «Где вы были, когда я болела, чем помогли мне?» Пусть говорят другие: «Речами, съездами, резолюциями». А мы скажем: «Кровью своей, здоровьем, жизнью...»

* * *

С горящими глазами, жадно слушал журналист и поэт Андрей Лозин эту речь. Оратор был не из блестящих. В его словах не было ничего оригинального, ничего резко бьющего по чувствам толпы, мысли его были не новы. Но он подкупал горячей искренностью и неподдельным воодуше-

влением, он верил в то, что говорил, и свою веру передавал слушателям,

Но главная причина его несомненного успеха у аудитории была в том, что он просто и ясно изложил мысли и желания, которые были мыслями и желаниями всех собравшихся: он не дал ничего нового, но систематизировал и облек в сжатую форму все передуманное слушателями за долгие годы.

Его речь, по-видимому, удовлетворяла всех. Это было видно по блеску глаз, выражению лиц и той напряженной, чуткой атмосфере, которая часто служит доказательством присутствия неуловимой, но крепкой нити, связывающей слушателей с оратором.

И Андрей Лозин ясно ощущал эту нить, тянувшуюся к нему от оратора. Журналист впивался в каждую фразу оратора, ловил каждое слово — и с нервной впечатлительностью, со странным вдохновением шел дальше: дополнял в своем воображении невысказанное, угадывал недоговоренное, с дрожью нетерпения подыскивал новые образы, слова. «Да, да! — шептал он. — Нас зовут к самоотречению, к жажде подвига, к священным порывам — так пойдем же, идем! Мы готовы, в нас все кипит, мы сильны, мы жаждем подвига. Но кто укажет нам, что делать, куда приложить свою силу, кто поведет нас к тому рычагу, повернув который, мы сумеем спасти Россию? Пусть дадут нам сейчас, немедленно, скорее, работу, — что угодно, вооруженную борьбу, убийства, что угодно... Пусть возьмут нас, нашу жизнь, наше здоровье. Мы поверим — пусть скажут только: это нужно для России. Жажда подвига горит в нас — пусть берут нас. Но скорее, скорее, сейчас!»

Огненно проносились мысли и фразы: от их наплыва — он чувствовал почти физическую боль. Руки с силой впивались одна в другую — он находил в этом странное облегчение...

Оратор кончил говорить — и гром аплодисментов наполнил небольшой зал грязной и неудобной третьеразрядной парижской гостиницы. Зал был почти полон. Здесь нельзя было найти ни одного известного за границей рус-

ского общественного деятеля — это были все никому не ведомые люди с самым различным общественным положением. Здесь были франтоватые денди, здесь были, судя по одежде, рабочие, клерки, подметальщики улиц. Но ни яркие галуны портье, ни куртка шофера, ни модный пиджак не могли скрыть военной выправки. Это были — в большинстве — бойцы армий Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича; люди, рассеянные по миру, без очага, без семьи, без родины.

Нетрудно было понять, что привело их в этот зал: здесь было место сбора группы русских, решивших объединиться и чем-то помочь своей родине. Тоска по России, жажда говорить о ней, надежда на будущее — влекли этих людей сюда.

И одна и та же нота звучала во всех речах — полное разочарование в эмигрантских вождях и отсутствие даже тени надежды на пользу их работы. Это собрание было бунтом против авторитета заграничных русских столпов, дерзким покушением на монополию отдельных партий в спасении России. Эти люди давно уже поняли, что красивые слова «вождей» не принесут России ни капли облегчения.

Оратор кончил — и Лозин оглянулся на свою жену — белокурую, хорошенькую женщину. Он встретился с ней глазами и прочел то, что ожидал прочесть: разбуженные оратором надежды. Она схватила Лозина за руку и сжала ее. Лозин молчал... думал. Да, он пришел сюда, чтобы найти то, что давно уже искал; найти то, что, в отчаянии и бессилии, считал уже окончательно потерянным; найти забытое в партийных спорах и распрях русских беженцев великое, объединяющее слово — *родина*. И Лозин чувствовал, что здесь это слово прозвучало не случайно, не мимоходом, в пылу партийного спора: в нем был центр мыслей ораторов, оно давно не звучало так властно, так покоряюще...

Лозин смотрел на жену и в широко раскрытых, милых, устремленных на него глазах он видел отзвук только что прозвучавших слов, видел огонь, тоже зажженный призывом: «Родина! Идите за нее!»

Глава 2

ПОЙДЕТЕ СПАСАТЬ РОССИЮ?

Зал пустел: все расходились. Лозин поднялся.

— Идем, Вера.

Они прошли к выходу и еще раз оглянулись: хотелось верить, что сегодняшний день не кончился, что сейчас они снова услышат то, что опьяняло, как жгучее, хмельное вино. Они вышли на залитую огнями, раскаленную за день каменную улицу. От гостиницы расходились участники собрания. Несколько человек стояли и с жаром обсуждали впечатления. Лозин и Вера медленно отошли от подъезда. Оба молчали. Лозину говорить не хотелось: нужно было обдумать и принести в порядок все услышанное.

— Лозин! Подождите! Одну минуту!

Журналист оглянулся. Сзади, по освещенному фонарем отеля пространству, крупным, неторопливым шагом подходил высокий, слегка сутуловатый человек. Лозин радостно улыбнулся и пошел навстречу.

— Здравствуйте, Зибер!

Лозин горячо пожал протянутую руку.

— Я вам не помешал? — спросил человек, которого Лозин назвал Зибером. — Вы с кем-то шли?

— Да, это моя жена, — ответил Лозин. — Я давно хотел вас о нею познакомиться.

— Гм... давно? — улыбнулся Зибер. — Мы знаем друг друга с полгода, а вы до сих пор прячете свою жену...

— Просто... все не приходилось как-то. Она у меня домоседка... Все за книгами сидит... в свободное от службы время.

Они подошли к Вере. Зибер представился. Женщина с любопытством посмотрела на него. Он сразу показался значительным, необыкновенным. Тонкие, сжатые, энергичные губы, насмешливые, умные, проницательные глаза, упрямый подбородок — все это казалось при недостаточном освещении таинственным, внушало какое-то странное сму-

щение. Невольно, еще без его слов, при первом взгляде на это бледное, тонкое лицо, чувствовалась смелость, фанатическое упорство.

Зибер быстро взглянул на жену Лозина внимательным, острым взглядом — и больше не обращал на нее внимания. Он говорил только с Лозиным.

— Я видел вас на заседании, но не мог к вам пробраться, — сказал Зибер, сняв шляпу и обмахиваясь ею, как веером. Вера увидела низко стриженные черные волосы, серебриющиеся сильной сединой.

— Ну, Лозин, — снова сказал Зибер, — каково ваше мнение о сегодняшнем вечере? Воображаю, как вы кипели и волновались...

Лозин, торопясь, путаясь и краснея, с жаром заговорил о своих впечатлениях. Все трое по-прежнему стояли под ярко освещенным фонарем. Зибер рассеянно слушал, иногда иронически улыбался или вставлял замечания. Вера следила за его лицом, не могла от него оторваться. Она видела, что Зибер рассеян, невнимателен; тени других мыслей и забот пробегали в его глазах. Он, видимо, был далеко от слов Лозина. От этого пожилого человека веяло холодом. Он перебил Лозина:

— Все это хорошо. Многое, что было сказано сегодня, — верно. Вы знаете меня, Лозин, достаточно хорошо, знаете, что я не меньше нас люблю Россию. Но вы, конечно, заметили, что я ничуть не взволнован. Причин этому две. Во-первых, я не так молод, чтобы кипятиться, как вы. Во-вторых, что, собственно, мы такое слышали? Что эмигрантские вожди ничем не помогут России? А разве мы этого не знал и не знаем? Что группа русских людей объединилась, сплотилась и хочет помочь спасению России? Слава Богу, я очень рад. Но что они сделают для такого спасения, что они они могут сделать? Ну, конечно, дорогой Лозин, ничего, абсолютно ничего! Вот увидите, что они поговорят, погорячатся — и мирно разойдутся по своим домам. Самое большее, что они сделают — это вынесут несколько горячих задорных резолюций, которых никто не будет читать. Да и смешно было бы думать, что кучка людей, которых никто

не знает, с которыми никто не будет считаться, может что-нибудь сделать. Ну, да ладно... это большая тема... такому разговору не место здесь, на улице. Заходите ко мне: там побеседуем...

Зибер замолчал, потом улыбнулся.

— Так вот, Андрей, я знаю, что национального порыва в вас хоть отбавляй. Почему бы вам не придумать плана спасения России, а? Кто только теперь ее, бедную, не спасает! Чем же мы хуже других?

— Ну, мне такая задача не по плечам! — усмехнулся Лозин.

— А если бы вам предложили участие в таком спасении, — пошли бы вы?

— Конечно, пошел бы.

— Без страха, без колебаний, с готовностью отдать даже жизнь?

— Да. Ведь вы знаете меня...

Что-то глубокое, странное мелькнуло в глазах Зибера. Он почти прошептал, положив руку на плечо Лозина:

— А если этот план предложу я — пойдете ли вы за мной?

Лозин вздрогнул.

— Пошел бы, — так же шепотом ответил он, побледнев и испуганно расширив глаза.

— Тогда мы поговорим, поговорим еще, — быстро сказал Зибер. — Сейчас мне нужно идти.

Он торопливо простился и отошел от молодых людей. Лозин и Вера проводили его глазами и пошли в другую сторону.

— Что это значит, Андрей? — спросила Вера. — Кто он, этот человек?

Лозин задумался.

— Станный он человек, Вера, но интересный... необыкновенный. Я познакомился с ним осенью 1920 года, в дни агонии белой армии, когда остатки моего полка усаживались на пароход в Севастополе. Что делал Зибер в войсках — я не знаю, но бежал он вместе с нами. Говорили, что он — разоренный большевиками фабрикант, человек образованный, кончил университет. В Константинополе я поте-

рял его из виду и встретил снова только через несколько лет — здесь, в Париже. По его словам, он возвращался в СССР, жил там два года, скрываясь; в конце концов попался. Его посадили в тюрьму и собирались расстрелять, но он чудом спасся и бежал снова за границу. Живет, по видимому, на остатки своего капитала. Едва ли у него много денег. Однако, он помогает беженцам. Я не знаю, имеет ли он какие-нибудь дела, но в его квартире я встречал незнакомых русских и иностранцев с портфелями, со связками книг и брошюр. Он ведет, видимо, большую переписку. Расспрашивать его я не считаю удобным, а он никогда не посвящает меня в свои работы, так что о личной его жизни я ничего не знаю.

Что нас крепко и прочно связывает — это любовь к России. Я не видел человека, который так беззаветно, так горячо любил бы Россию. Эта любовь часто прорывается в нем, несмотря на природную холодность и скрытность. Иногда, вечером, когда мы остаемся одни в его уютной квартире, у большого окна, откуда видна часть залитого огнями Парижа, он начинает говорить о судьбах России, о ее будущем величии. Так говорить может только фанатик. Он забывает все, он улетает в мир фантазии, грезит. Мысли льются с его губ без всякого усилия — красивые, стройные, логичные. Он покоряет музыкой своих слов. Многое необычно, фантастично, но молчишь, опьяненный: хочется слушать и слушать без конца... И все это не праздная болтовня. Я чувствую, что он что-то обдумывает, к чему-то готовится. Он способен на многое, даже на великое. Если говорить о национальной страсти, то ею он обладает в высшей мере. Если же соединить это с его волей, энергией, знанием людей и жизни, — то он один стоит десятка наших дряблых эмигрантских руководителей, погрязших в партийных распрях. Он что-то задумал. Его сегодняшние слова много значат: он никогда не говорит пустого. Вот человек, за которым я пойду, закрыв глаза.

— Ну, ты влюблен в своего Зибера, Андрей, — сказала Вера. — Ты — поэт, романтик, любишь петь дифирамбы. Ты фантазируешь... Какой там план спасения России мо-

жет задумать даже такой, по твоим словам, необыкновенный человек, как Зибер? Что может сделать несчастный, выброшенный из России беженец? Ты увлекся, Андрей.

— Может быть. Увидим.

Но Вера было не искренна. И ее поразил нарисованный Андреем образ. Перед женщиной неотступно стояло бледное лицо с насмешливыми глазами и упрямым подбородком.

Глава 3

ДУША МЯТУЩАЯСЯ

Лозин был, конечно, и на втором заседании организационного кружка «спасателей России». Журналист по-прежнему горел огнем патриотических переживаний, горел желанием принести себя на жертвенный алтарь родины. Он хотел вооруженной борьбы, хотел пролить свою и вражескую кровь, хотел своими руками бить в ту каменную стону, за которую посадили Россию. Таково было содержание его речи, сказанной на одном из заседаний. Но быть готовым на подвиг, быть готовым отдать свою жизнь — и не знать, в чем этот подвиг должен выразиться, где и как отдать свою жизнь! Иметь цель, страсть к ее достижению — и не видеть средства к такому достижению!

Он слушал речи, радовался, скорбел, — но не находил удовлетворения, так как понимал, что группа этих людей бессильна и что было бы смешно ждать от нее решения дерзко взятой на себя задачи «спасения России». «Неужели же никто, — думал он, — ни одна душа, не скажет, что делать сейчас, сию минуту для спасения России? Неужели не найдется такого великого человека, который сегодня, завтра повал бы нас за собой, который указал бы на средство для спасения родины, указал бы, куда нам идти и что делать? Найдись он, этот человек — и я пойду за ним, как бы ни был фантастичен, безумен его план. Я пойду!»

— Все это чепуха, Лозин, детский лепет! — сказал Зибер. — Речи ваших «спасателей» не укажут практического пути к спасению России. Каковы меры борьбы с большевизмом, предложенные вашими «спасателями»? «Да здравствует наша армия и вооруженная борьба с советами!» — провозгласил один из них. Какая армия? Какая борьба? Где эта армия, о чем говорил «спасатель»? Эвакуированные в Галлиполи? А, вот она, армия! Кучка замученных людей, горсть, рассеянная по всему миру за долгие годы. Этой армии нет... И, если бы она даже сохранилась, — что могут сделать эти 80-100 тысяч человек? Ничего, абсолютно ничего! Вооруженная борьба безусловно невозможна и на ней надо поставить крест.

«Пропаганда!» — вскричал другой «спасатель». — «Воздействие на умы иностранцев, на их законодательные палаты, на их печать, торговый мир и т.д.». Так вот оно, средство: пропаганда! Средство найдено! Умница «спасатель»! И это — после нескольких лет упорной борьбы большевиков за границы, после затраченных ими на советскую пропаганду золотых миллионов, после подкупа заграничных газет, издательств, нужных людей, после того, как чуть не вся Европа засвидетельствовала большевикам если не свое уважение, то свою боязнь перед ними?

Ваши «спасатели» извлекли из пыльного эмигрантского архива старые, избитые, провалившиеся истины и снова пережевывают их и снова пытаются что-то построить на гнилом фундаменте. Грустно, но, по-видимому, долгие годы ничему не научили русских эмигрантов... Вы видите, что ваши «спасатели» просто смешны и ничего серьезного не дадут. Необходимо что-то другое...

Этот разговор происходил у Зибера. Маленькая, уютная квартирка, удобные, мягких кресла, неполное освещение, неясные блики на лице собеседника, игра смутных теней, — все это сильно действовало на романтическую душу Лозина, делало слова Зибера особенно увлекательными.

Зибер замолчал. Лозин смотрел на него, чувствуя, что этот человек что-то задумал, подготовил. В глазах Зиберы молодой человек видел какую-то тайну, какую-то напряженную, необычную мысль. Лозин ждал откровения, ждал, что вот-вот ему будет изложен какой-то план, путь подвига во имя России. Он был увлечен этим сидящим против него человеком, он верил в него и страстно хотел, чтобы смутное ожидание каких-то новых слов не оказалось напрасным. Но Зибер молчал, думал. Лозин не выдержал:

— Нужно что то другое, говорите вы? Что же это другое, что? Вы неспроста говорите, Зибер... вы что-то задумали. Скажите мне о ваших планах... Вы знаете, что я готов идти с вами в огонь и воду. Что... что вы задумали?

Зибер молчал. Улыбка скользнула по его губам. Потом лицо приняло обычное насмешливо-суровое выражение.

— Думали ли вы, Лозин, когда-нибудь, — заговорил он, — о некоторых странных особенностях отношения эмигрантов к СССР? Было время, когда говорили: «Нужно организовать вооруженную борьбу с большевизмом». Борьба организовывалась, начиналась, шла, — и кончалась провалом. Промелькнули Корнилов, Каледин, Дутов, Колчак, Юденич, Врангель — и все один за другим, по неизменному трафарету, исчезали, только усиливая власть Советов. Почему это? Нам дали тысячи трудов, теорий, докладов и т. п. объяснений этим поражениям. Я не стану приводить их, я согласен со многими из них, многие из них нахожу верными. Но что поражает меня в заграничной, эмигрантской прессе, — это то, что нигде исчерпывающе не проведена единственно и безусловно верная мысль и объяснение: всякая борьба с большевизмом в наименее слабом месте его заранее обречена на гибель. Т.е., иначе говоря, всякая вооруженная борьба только с Красной Армией, а не с руководителями большевизма, обречена на неудачу, потому что такая борьба наименее опасна для сов-вождей. Даже больше того, — им нужно, чтобы бросить в войска новые лозунги и найти твердую поддержку со стороны армии.

Вы спросите, где же самое слабое место большевиков, или что можно сделать их самым слабым местом?

Глава 4

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА БОЛЬШЕВИКОВ

Зибер задумчиво стряхнул с сигары пепел и продолжал:

— По моему, слабым местом большевиков, их Ахиллесовой пятой, мало того, их трагедией, их смертью может стать вооруженная борьба непосредственно с главарями большевизма. Борьба в форме террора, организованного сильными, энергичными людьми. Подумайте о том, что внутри России миллионы ненавидят большевиков самой страшной, самой злобной ненавистью. Подумайте, что больше двух миллионов беженцев разорены, ограблены, выброшены из России, живут без малейшей надежды на будущее. И все это случилось благодаря кучке людей, захвативших власть. Подумайте, сколько миллионов горят жаждой мести за своих замученных, расстрелянных, поруганных отцов, сыновей, братьев, жен, матерей, сестер. Подумайте, какая адская квинт-эссенция злобы и сконцентрированной ненависти кипит против этой кучки людей. А все-таки огромное большинство их продолжают преспокойно благоденствовать.

Чем же это объяснить? Неужели у нас нет таких людей, как Шарлотта Корде, неужели Конради* — последний из стаи могучих орлов, последний из самоотверженных, гордых и жаждущих подвига? О, нет! Война и революция дали нам тысячи великих героев долга, идеи и безумной смелости, дали образцы легендарных подвигов. Где же эти люди? Разве не осталось ни одного из них? Они есть, они живут, но они измельчали, устали — они пали духом.

* М. М. Конради (1896-1947) — русский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1923 г. в Лозанне застрелил советского дипломата В. Воровского и ранил двух его помощников, на состоявшемся в том же году процессе был оправдан.

Все то, что мы пережили за последние годы, все эти ужасы, вселили в нас странную, непреодолимую боязнь перед вождями большевизма. Это какой-то массовый психоз. Мы забываем, что эти вожди — обыкновенные люди, мы готовы видеть в них демонов, всезнающих, ко всему готовых, могучих богов зла и дьявольской хитрости. Они внушают мистический ужас, они гипнотизируют, как глаза змеи. Мы боимся их, мы боимся их дьявольских глаз и поэтому предпочитаем нападать на красную змею не с головы, а с хвоста, — там, где она неуязвима.

А между тем, если победить этот ужас, если избавиться от этого психоза страха перед большевиками, — тогда хватит смелости напасть не на хвост, а на голову змеи. Лишь бы нашлись сильные, смелые люди, которые спокойно пойдут на это. Каждый из них должен поставить на себе крест, забыть о себе и помнить, что больше шансов за то, что он погибнет, даже в том случае, если добьется своей цели.

Зибер передохнул, потом схватил руку Лозина и, крепко сжав ее, прошептал:

— И вот, таких-то людей я и ищу. Пойдете ли вы за мной — вы, жаждущий подвига?

— Пойду! — почти крикнул Лозин. — Пойду!

Зибер вскочил, обнял молодого человека.

— Я был уверен в вас, Лозин!

Оба замолчали, думая каждый о своем. Молчание прервал Зибер.

— Вы понимаете, конечно, как велика та задача, о которой я вам говорил. Понятно, она не под силу нам двоим, тем более, что я вам изложил только половину задачи — о второй половине вы скоро узнаете. Для исполнения задуманного мною плана нужны не двое, не трое — нужна целая группа, целое общество отчаянных, безумно смелых людей. Прежде, чем решать главную нашу задачу, мы должны создать это общество. Я уже поработал в этом направлении и имею согласие не менее двух десятков лиц. Общество будет состоять, главным образом, из офицеров. Офицеры, которых я набирал в организацию, — боевые, спокойные, хладнокровные люди. Эти люди — кадр железных,

закаленных бойцов. Многие из них вам знакомы. Я переговорил с большинством из них и мы решили созвать организационное собрание в моей квартире. Итак, Андрей, с Богом — за дело! Довольно пустой болтовни: пора и делать что-нибудь!

* * *

За последние дни Лозин заметил странный перелом в отношении к нему жены. Он не мог установить причины этой внезапной перемены. Вера по-прежнему была ласкова и нежна с ним, но не хватало искренности, не хватало простоты, которая была в их отношениях раньше. В ее глазах он иногда ловил какую-то странную томность, какую-то новую, чуждую, незнакомую мысль, которая стала пугать его, вселяла в него страх за свое счастье. Похоже было на то, что Вера мечтает, думает о чем-то прекрасном, недостижимом.

Лозин видел это, потому что Вера стала уединяться и под всякими осторожными предлогами избегать его. Он звал ее, подходил к ней — она ласково и нежно встречала его и говорила с ним. Но сама почти не заговаривала с Лозиным. Какая-то тень появилась между ним и Верой. Он видел это, видел ясно, но не мог найти той причины, которая бросила эту тень... Лозин испугался: впервые он почувствовал опасение за свое счастье, впервые он увидел, что уверенность его в прочности ее любви может быть поколеблена. Ему казалось, что он знает душу Веры как свою.

Он знал sentimentalную натуру Веры, знал ее впечатлительность и неопределенность. Она была человеком мимолетным, человеком порыва. И наряду с искренностью, она обладала в высшей степени той изворотливой женской хитростью, которая усыпляет, дурачит, делает слепым. О, он совсем не закрывал глаза на ее недостатки! Но, уверенный до сих пор в ее чувстве, он никогда не придавал им большого значения, не думал о них и только теперь увидел, каким страшным оружием может стать то, что, по-видимому,

составляет основу ее натуры. Экзальтированность, страстность — вот чего он стал бояться.

Он чувствовал, что эти стороны ее характера начали пробуждаться, потревоженные каким-то могучим, непонятным импульсом. Где и в чем этот импульс, что подействовало так на Веру? Это случилось недавно. Что же было за последнее время, что случилось? Лозин вспоминал каждый шаг, каждое слово, каждый взгляд Веры — и не находил ответа. Между ними встала тень — и нужно ее отогнать, нужно отогнать странные думы Веры, нужно сделать ее снова понятной и близкой, нужно связать ее с собой, заставить жить теми же интересами, которыми живет он сам. Он решил посвятить ее в задуманный Зибером план. Он надеялся, что таким путем он сумеет воскресить исчезающее понимание между ними. «Пусть будут опасности, пусть мы даже погибнем; но погибнем рядом, за одно дело, с одними словами на губах. Я буду понимать Веру. А сейчас я не понимаю ее, и нигде, ни в чем не нахожу ответа, что с нею... Что с нею?»

Ответ был так прост, так несложен...

Ответ в той мимолетной встрече, которая оставила странный, крепкий след в душе Веры, в тех твердо сжатых губах, в тех спокойных, холодных взглядах, которые врезались в память Веры, в том обаянии, которое исходило от этого человека и властно покоряло всех окружающих, в светлом ореоле силы, кипучей энергии и ясности ума — ореоле, который создала вокруг него пылкая фантазия молодой женщины и горячие рассказы Лозина. Перед Верой неотступно стояли освещенный подъезд отеля, высокая, слегка сутуловатая фигура и бледное, тонкое лицо.

* * *

Лозин рассказал Вере все. Весь план Зибера сверкнул перед глазами молодой женщины эффектным фейерверком. Разноцветный фейерверк — среди серых, скучных буд-

ней, среди надоевшей конторской работы, среди мечтаний о радостях, о приключениях, о другой жизни — яркой, интересной, красочной. Вера даже зажмурилась, ослепленная. Потом схватила Лозина за руку:

— А я? А я... буду участвовать?

— Ты понимаешь, на что мы идем? — пробормотал Лозин.

— Понимаю... — прошептала она. — Я тоже люблю Россию... Я готова. Я хочу быть с вами...

— Ты должна подумать.

— Я не хочу думать!

— Я боюсь за тебя.

— А я — за тебя! Мы должны быть вместе! Иначе я не отпущу тебя.

Она закрыла глаза и заговорила монотонно:

— Ты пойдешь сейчас к Зиберу... Ты скажешь, что твоя жена будет участвовать в терроре... Я хочу быть с вами... Я не боюсь... я готова. Я хочу яркой, интересной, опасной жизни... Мне все надоело... Я хочу приключений. А если нужно, — я могу умереть... Я не боюсь!

Глава 5

НУЖНЫ ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

В квартире было людно, жарко, накурено. Стоял душный вечер и собравшиеся у Зибера изнемогали от недостатка воздуха. Окна были открыты, но с пыльной, раскаленной за день каменной улицы не доносилось ни малейшего дуновения ветерка. Собравшиеся — в подавляющем большинстве, мужчины — были в легком летнем платье; но некоторые изнывали в суконных изношенных костюмах. Вообще, по внешнему виду, собравшееся у Зибера общество было далеко не изысканным.

При входе в квартиру, Лозины были встречены гулом упреков и порицаний: они опоздали. Зибер, объявив, что

для полноты собрания не хватает только капитана Гронского, предложил ждать не более 10 минут. Пользуясь этим временем, Лозин огляделся.

Среди собравшихся он увидел знакомых. В углу сидел поручик Малявин, один из героев крымского отступления, смелый, решительный человек, теперь шофер такси. Рядом с ним сидел журналист Лерхе, яростный и неутомимый враг большевиков. У окна стояли капитан Николич, подполковник Стрепетов, штабс-капитан Туров — офицеры эпохи Юденича и Деникина. Из одной группы вышла и ласково поздоровалась с Лозиным высокая, бледная, грустная женщина — Анна Годе, на глазах которой в Москве были убиты большевиками ее муж и брат. В другой группе Лозин увидел восторженное, милое лицо Коли Батагова, который в 15 лет уже держал винтовку и участвовал в великом ледяном походе Каппеля.

И много других знакомых — мужественных, смелых, способных на все — увидел здесь Лозин. Подбор соучастников был умен и доказывал, какой наблюдательностью и знанием людей обладал Зибер. «Такие люди, — думал Лозин, — поймут за Зибером на самое безумное дело».

Пришел тщедушный, маленький капитан Гронский. Это был упрямый скептик, человек редкой энергии, твердой воли и легендарной храбрости.

— Итак, господа, — сказал Зибер среди сразу наступившей тишины, — мы все в сборе. Я приступаю к делу.

Он взял кресло, поставил его в угол комнаты — так, чтобы каждое слово было хорошо слышно. Потом сел, оглядел собрание и уверенно, твердо и ясно начал:

— Господа! Все вы знаете, насколько серьезно и опасно то дело, которое я хочу создать во имя спасения России. Я не смею от вас скрыть, как смел, как фантастичен мой план. В моей душе рождались иногда сомнения в успехе. Но тем с большей энергией я сейчас же, после минуты колебания, снова брался за свою идею, за свой план — и он почти готов. Друзья, повторяю: мой план очень труден. Даже в случае успеха, каждый из нас имеет очень мало шансов на то, что останется жив. Больше того, он их *не имеет*. Поэтому

никто из нас не увидит, вероятно, тех великих результатов, которые, несомненно, будут в случае успеха. Эти результаты — наша награда, но... ее никто не получит.

Для исполнения того, что я задумал, — мало храбрости, решительности, хладнокровия, обдуманности, подвига, — нужна *жертва*. Каждый из нас должен помнить, что он обязан нанести удар врагу в нужную минуту; но каждый должен также понимать, что и он неминуемо падет жертвой собственного удара. Я знаю много храбрецов среди собравшихся здесь, но мне нужна храбрость особенная, сверхчеловеческая, мне нужны *железные* люди.

Подумайте, какая колоссальная нужна выдержка, чтобы проникнуть в самое сердце врага, осмотреться, спокойно обсудить положение и так же спокойно нанести удар, после которого неминуема гибель, смерть. Идти одному, без поддержки, идти на смерть, зная, что, может быть, никто, ни одна душа, об этой смерти не услышит, зная, что смерть будет ужасна, после пыток, мук и издевательств, — на это способны немногие, это — высший подвиг самопожертвования, любви и героизма.

Простите меня, я буду откровенен, я должен быть откровенен. Я долго и тщательно производил выбор своих помощников — я остановился на вас, друзья мои. Я верю в вашу исключительную храбрость... в вашу любовь и преданность родине. Но, может быть, даже вам задача будет не по силам, даже среди вас найдутся нерешительные. Конечно, каждый может и должен требовать от меня объяснения всех деталей, а всякий, не согласившийся со мной, должен об этом заявить открыто, какие бы мотивы им ни руководили.

Но могут найтись между нами и такие, которые, не соглашаясь или колеблясь, все же пойдут за мной. Ими могут руководить ложный стыд, боязнь показаться трусливыми и т. п. Но это будет бесчестно и губительно для дела. Я прошу, я требую, я имею право этого требовать для блага дела, чтобы каждый колеблющийся открыто и честно заявил: «Нет, я не могу, это выше моих сил». Ни одной улыбки, ни одного упрека он не увидит у вас на губах, ибо слишком

трудно то, на что мы хотим решиться. Следовательно, каждый из нас, только тщательно и спокойно обсудив все за и против, может честно и твердо сказать: «Да, я пойду за вами на это дело!» Всю ответственность за такое решение я возлагаю на каждого из вас. Предупреждаю, что у меня будет царить железная дисциплина, я не потерплю отказов, колебаний, противодействия. Всякого из вас, приносящего какой-либо вред делу, я убью собственной рукой. Помните это!

Вот мое предисловие. Я считаю его необходимым. Я хочу честно и открыто заявить вам, что вас ждет, если вы пойдете за мной. Теперь еще два слова. Каждый из нас понимает, как опасно то, ради чего мы сюда собрались, и как нужна нам абсолютная тайна. Я не сомневаюсь в вашей скромности и порядочности, но исключительность дела заставляет взять с вас клятву молчания. Простите меня, — я не допускаю мысли об этом, — но если кто-нибудь проговорится о том, что мы сегодня услышали и услышим, — я, прежде чем всадить ему пулю в лоб, покажу ему его подпись под обещанием молчать. И каждый из вас может сделать то же самое со мной, если я проговорюсь. Вот для чего нужны все ваши подписи. Кто не согласен подписать, пусть немедленно уходит.

Огласив текст клятвы, Зибер подписал его и передал собранию. Один за другим, все присутствующие подписали бумагу. Зибер просмотрел подписи, положил бумагу в портфель, потом, заняв свое прежнее место, продолжал:

— Теперь, господа, я могу приступить к делу, — к изложению идейных основ моего плана. Всех нас, здесь присутствующих, объединяет одно великое чувство — любовь к родине. Все мы жаждем спасения родины. Но кто из нас — один, слабый, беспомощный, без средств — и что может для этого сделать? Только создав сильную организацию, мы можем сделать многое. Именно для этого я и собрал вас всех сюда.

Я хочу создать такую организацию, которая бы, во имя родины, ее спасения и счастья, поставила своей целью беспощадное истребление всех ответственных руководителей и вождей большевизма. Вы знаете, в каком тяжелом поло-

жении сейчас советская власть. Создалась такая обстановка, при которой единственным крепким цементом советской постройки остаются вожди большевизма. Убрать их — и постройка рассыпется в прах.

Таким образом, первая часть моего плана — это уничтожение наркомов, главковерхов, командармов и т.д.

Все то, что мною теперь было сказано — вам уже знакомо. Совершенно незнакома для вас, нова и, может быть, будет неприемлема для вас вторая, не менее сложная и трудная часть моего плана. Много думал я об этой второй части и решил, что она также существенно необходима для России, как и первая. Во всяком случае, как бы вы ни отнеслись к ней, — я не мыслю возможности отказаться от второй части моего плана: то, что я изложил и то, что я скажу, должно составлять одно неразрывное, крепко спаянное целое.

Глава 6

ЗАДУМАН УДАР ПО ЕВРОПЕ

Зиббер передохнул, выпил воды и продолжал:

— Вторая часть моего плана — это могучая, молниеносная, действующая наверняка антисоветская пропаганда. Можем ли мы создать ее? В наших ли это силах? Что мы можем для этого сделать? Сначала эта задача кажется невозможной — особенно, если мы вспомним, что сделали и что делают большевики в целях своей пропаганды. Они — наши учителя и потому посмотрим, что сделали они.

Перед нами удивительно продуманная, тонкая, могущественная пропагандная организация, опутавшая весь мир клейкой паутиной. В пропаганде большевики идеальны. Они разбросали по всей Европе и другим частям света шпионов, агитаторов, тысячи агентов; они скупают и подкупают газеты, книгоиздательства и т.д.; они открыто и тайно ведут агитацию, выпускают брошюры, книги, создают общественное мнение, заполняют прессу ложными сообщениями.

Они умело пользуются религиозными и национальными распрями, расовой ненавистью, возмущениями на политической и экономической почве. Они организуют и поддерживают золотом рабочие беспорядки, обостряют борьбу труда и капитала, осложняют экономическую жизнь могучим демпингом, выпуском фальшивой иностранной валюты. На агитацию, пропаганду, демпинг, борьбу ассигнованы сотни миллионов рублей в золоте и иностранной валюте, в драгоценностях бывшей императорской фамилии, русской аристократии, русской буржуазии, в сокровищах русских музеев, галерей, национальных хранилищ, церквей и монастырей.

Как же бороться с этой красной пропагандой, что делать? По-видимому, нужно, в противовес большевикам, создать в самом широком, мировом масштабе пропаганду антибольшевистскую.

Но, господа, сможет ли русский эмигрантский мир справиться с этой гигантской задачей? Где у нас для этого средства, — я говорю, конечно, о средствах материальных? Их нет, а они нужны прежде всего. Против могучей организации большевиков, против их многолетней практики, против их гор золота, — мы беспомощны, мы ничто.

Но нет ли другого способа открыть миру глаза на ту опасность, которая грозит ему от большевизма? Нельзя ли сделать так, чтобы мир сразу затрепетал от страха перед этой опасностью, чтобы сразу были приняты меры для уничтожения большевиков?

Такое средство есть!

Средство это состоит в том, чтобы нанести миру несколько страшных ударов и заставить мир думать, что эти удары нанесены большевиками. Только такая пропаганда может дать результаты *мгновенные*. Эта пропаганда — воздействие на умы мира путем провокации. Нанеся миру удар и заставив мир думать, что это сделали большевики, — мы будем бить коммунистов их собственным любимым оружием — хитрой и умной провокацией.

Какие же страшные удары мы можем нанести миру? Мы — горсть людей, без денег, без имени, без мирового авторитета?

Мне придется сделать большое отступление.

Если бы я спросил любого из вас: «Кого, после большевиков, ты особенно ярко и остро ненавидишь?», я получил бы ответ: «Конечно, первых, кто признал большевиков — англичан, французских генералов, которые выдавали большевикам войска Врангеля, и всех тех, кто начал торговать с большевиками и поддерживать их».

— Но почему? — спросит иностранец. Постараюсь ему ответить, начав с Англии.

Верная своему старинному, возведенному англичанами в степень высшей государственной мудрости, девизу — «Разделяй и властвуй!» — Англия первая наложила свою тяжелую руку на несчастную, окровавленную Россию. Своей рукой Англия старалась подальше затолкать нашу родину в бездну крови, слез и страданий, окончательно погубить белого медведя, которого по старой традиции считала своим врагом. Англия может быть довольна: она успешно вела свой дело. За примерами ходить недалеко: мы видели ее циничную политику по отношению к России. Напомню некоторые факты. Пусть не думают, что мы их забыли.

Политика расчленения и гибели России проводилась англичанами с особенной энергией на Кавказе и в Персии. На Кавказе они добивались создания независимых республик из русских окраин. Английские министры начали совершенно открыто признавать политику расчленения России отвечающей интересам Англии.

В дни тяжкого испытания для армии генерала Врангеля, когда она, изнемогающая, окровавленная, отступила в Севастополь, когда над ней навис призрак поголовного, зверского истребления, когда она обратилась за помощью и милосердием ко всему миру, когда к ней бросились на помощь французские и американские корабли, — одни англичане не хотели совершить подвига элементарной гуманности и Джордж Ллойд* с гордостью заявил в Палате общин, что

* В ориг. ошибочно: «Ройд». Д. Ллойд Джордж (1863-1945) — британский политик и государственный деятель, в 1916-1922 гг. премьер-министр Великобритании.

английские военные суда не участвовали в спасении русской армии и русского населения Крыма, ограничившись лишь тем, что вывезли 6 русских детей, случайно подобранных английскими матросами. Мы понимаем поведение Англии: солдаты Врангеля — остатки России: нужно было уничтожить и эти остатки.

В то время, когда восстал Кронштадт, — Англия, вместо помощи изнемогающей России, нанесла ей два страшных удара: запретила Финляндии дать повстанцам продовольствие и заключила с Советами торговый договор. Английский министр заявил, что большевистское золото, хотя и награблено — все же золото, а другой министр, насмешив Англию фразой, что, видимо, «нельзя исправить машин цитатами из Карла Маркса», заявил парламенту, что Англия должна использовать советский рынок, так как большевики платят золотом. И вот, так или иначе, эта торговля началась. Прежде всего, англичане признали за большевиками право покупать и вывозить из Англии военные материалы. За свои товары Англия получала залитое кровью, награбленное золото. Англия продавала большевикам военные суда. Англии принимала от большевиков заказы на свои заводы и фабрики, Англия позволила открыть в Лондоне советский банк. Англия... ах, да чего только Англия не делала, чтобы не дать России подняться на ноги!

Один крупный русский промышленник и политик сказал:

— Горе правительствам, заключившим договоры с Советами! Они играют на слабую Россию. Сильная Россия отвернется от тех, кто ее притеснял в период «слабости».

И вот я говорю вам: *будущей России не по пути* с Англией.

Гром аплодисментов прервал речь Зиберя. Все в волнении вскочили со своих мест. Зибер переждал, пока собрание успокоится.

Глава 7

ОКО ЗА ОКО

— Я изложил вам, — продолжал Зибер, — те основания, благодаря которым мы считаем англичан врагами России.

Но только ли англичане пользовались слабостью нашей родины, разве только они на каждом шагу наносили нам жесточайшие национальные обиды? Нет! Не будет преувеличением сказать, что такую политику ведут многие государства. И если мы можем закрыть глаза на подобное отношение к нашей родине чуждых нам стран, то тем с большим негодованием мы должны отметить странное поведение того государства, которое считалось другом России и которое обязано России своим спасением. Я говорю о Франции.

Мне скажут: «А ведь Франция когда-то помогла Колчаку, признала Врангеля, вывезла его армию». Я отвечу на это по пунктам. Помощь Колчаку? Избави Бог от такой помощи! Мы знаем, что сделали с Колчаком французы и взятые под покровительство Франции чешские солдаты. Они выдали большевикам Колчака, предали тысячи офицеров и солдат, погубили все антибольшевистское дело, залили Сибирь кровью. Вот какова была помощь Колчаку. Признание Врангеля, вывоз его армии? Да, за это русское спасибо! Но Франция заменила дальнейшими своими действиями это спасибо на вопли отчаяния, гнева и презрения. Она взяла на себя заботу об эвакуированной армии: привезла ее, разместила, снабжала продовольствием. Но вот... не хватило терпения возиться с этими несчастными русскими людьми. Французы посадили русских солдат на голодный паек, стали уговаривать их ехать добровольно в СССР, уговаривать не подчиняться своим начальникам; одним словом, дала сотни доказательств своей горячей дружбы с Россией.

Какой горечью, оскорбленным национальным чувством прозвучали слова генерала Врангеля, когда он сказал фран-

цузскому генералу Белле, что «русские солдаты и офицеры едва ли согласятся, в угоду французскому правительству, изменить своим знаменам и своим начальникам». Вот — дружба Франции, вот как эта благородная, рыцарская страна платит нам за спасение Парижа, за Мазурские озера, за два миллиона погибших русских жизней в борьбе за спасение Франции от германцев. Да, только в беде познаются друзья. Мы узнали — Франция нам не друг. И я выражу, надеюсь, общую мысль, если скажу, что мы так же, как и англичан, ненавидим если не Францию, то тех ответственных французских государственных и военных деятелей, которые незаслуженно и предательски нанесли нам, русским, незабываемые удары в спину. Вспомните только их переговоры с большевиками, их заигрывание с Москвой.

Вот, господа, наше отношение к политике Англии и Франции. О других государствах я не говорю: другие, кроме Соединенных Штатов, идут за этими двумя. Политика их наиболее характерна и задает тон всему миру. В своем плане я отдаю внимание только этим государствам.

Итак, я нарисовал, на чем базируется наша страстная ненависть к тем заграничным союзникам СССР, которые способствуют гибели России. Сообщниками убийства России являются все ответственные руководители западноевропейской политики, которые поддерживают большевиков.

И вот, я вас спрашиваю:

— А что, если бы всех этих заграничных сообщников убийства России не стало, они исчезли бы, умерли? Что, если бы мы, здесь находящиеся, взяли бы на себя задачу удалить их, уничтожить?

Вы мне ответите: «Да, мы отомстили бы за Россию, дали бы выход своей ненависти, но это не спасет Россию и не поможет ей». И такой ответ будет правилен: вместо одних станут другие и все останется по-прежнему, только антибольшевистское дело погибнет, потому что общественное мнение будет возмущено этими убийствами, а эмигранты лишатся не только какой бы то ни было поддержки, но будут преследоваться, как вредный антигосударственный элемент.

Но теперь я нарисую нам другую картину: а что, если уничтожить иностранных сообщников гибели России, но удалить так, чтобы *заставить мир думать*, что это сделали *большевики*?

Посмотрим, что из этого выйдет.

Англия и Франция находятся в таком сумбурном, тревожном состоянии, что всякое ослабление сдерживающих начал может вызвать самые ужасные последствия. Мы знаем, какие забастовки, безработица, какой террор, какие волнения происходили, происходят в Англии и грозят ей: вспомните Ирландию, синфейнеров*, английских углекопов и железнодорожников, Египет и Индию. Мы знаем, какая боязнь Германии, какие волнения за будущее царят во Франции, как неизменно и неуклонно растет в этой стране коммунистическое движение, несмотря на шовинизм.

И вот, среди этих бурь, государствами правят люди, умеющие твердо держать в своих руках кормило власти. Благодаря им, сдерживаются те элементы, которые могут вмиг превратить страны в арены кровавой политической борьбы. И буржуазия Европы держится за этих вождей, крепко ценит их. И вдруг начинаются убийства этих вождей — одно за другим. Кто делает это? А... большевики! Опять их происки, опять ставка на мировую революцию! И буржуазия завопит, смертельно перепуганная красным призраком. Забудут торговые договоры, забудут русское золото, — начнут спасать свое. Начнутся призывы к борьбе с большевизмом, начнется и эта борьба. Можно с уверенностью сказать, что нападут и на оплот коммунизма — на СССР, — т. е. сделают то, что, собственно, нам и нужно, что и требовалось доказать.

Резюмируя все вышесказанное, нетрудно прийти к следующим выводам:

Страшными ударами, способными быстро изменить политику З. Европы и заставить З. Европу помочь России, мо-

* Речь идет об ирландских националистах и сепаратистах, связанных с партией «Шинн Фейн».

жет быть уничтожение ответственных руководителей и вождей главных европейских стран — Англии и Франции, Убийства эти должны быть совершены от имени коммунистов, что будет лучшей и наиболее верной пропагандой идей антибольшевиков. Убийства эти находят оправдание не только в пользе для России, но и в мести за все то зло, которое причинено России вождями Англии и Франции. И, наконец, убийства эти должны совершить мы, здесь находящиеся, ибо мы готовы на это, смелы и хотим стать жертвой за Россию.

Вот, господа, в чем заключается вторая часть моего плана. Соединяя весь мой план в одно целое, мы увидим, что перед нашей будущей организацией стоят две задачи: 1) Уничтожение вождей большевизма. 2) Уничтожение от имени коммунистов тех ответственных руководителей политики 3. Европы, которые поддерживают большевиков, причиняли и причиняют России зло и насильственным удалением которых мы создадим негодование против большевиков и общий поход на красную Москву.

Теперь, господа, весь мой план в его целом — перед вашими глазами. Прежде, чем перейти к вопросу, как осуществить этот план практически, я должен спросить вас: согласны ли вы, господа, со мной? Согласны ли вы отдать свои молодые жизни на это дело? Хватит ли у вас национальной любви, национальной страсти, чтобы решиться на этот прекрасный и... страшный подвиг? Пойдем за мной, отдадим России свои жизни и будем помнить, что этот подвиг, это безумие — безумие *любви*, безумие *жертвы* за Россию. Отвечайте, — я жду!

Вскочил Лозин.

— Я — ваш! — и бросился к Зиберу, пожал руку, обнял и замер. Бросились и другие — восторженный Батагов, спокойный Малявин, бурный Стрепетов, бледная Годе, порывистый Гронский... И все присутствующие окружили Зиберу, жали ему руки, обнимали, клялись, пытались говорить, перекликивали друг друга...

Зибер поднял руку — все стихло.

— Итак, вы — мои. Я получил ответ — горячий, восторженный, вырвавшийся из души. Отныне мы все — одно целое, с одной мыслью, одним желанием. В добрый час!

Глава 8

ДЕТАЛИ ПЛАНА

Зибер помолчал, устало закрыл глаза, потом сел и заговорил снова.

— Перехожу к практической стороне дела. Ясно, что нам нужны деньги, много денег.

Но деньги у нас есть Я, кажется, никому из вас не говорил, что был когда-то богатым человеком. Большевики разорили меня в России, но за границей у меня остались в банках крупные суммы, которые мне теперь удалось собрать в одно целое. Я не считаю эти деньги своими, так как изложенный вам план зародился у меня давно и свое состояние я предназначил на решение поставленной великой задачи. Этих денег — 50,000 американских долларов. Они пойдут на расходы нашей организации.

Но это еще не все. Вы слыхали, вероятно, о нашем парижском меценате Ротвальде? Этого человека я знаю хорошо еще из России. Я с ним подружился в Риге, где у меня и у него было когда-то общее торговое дело. Этот Ротвальд — остзейский немец, что не мешает ему, однако, быть горячим русским патриотом. Он — человек редкой доброты, отзывчивости и честности. Так же, как и я, он спас значительную часть своего состояния. Я встречаю его в Париже довольно часто. Зная его любовь к России, я открыл ему, в общих чертах, свой план. Он горячо отнесся к нему и обещал свое содействие. Это содействие будет заключаться в денежных ссудах. Сам Ротвальд в организации состоять не будет: он противник всяких тайных обществ. Кроме того, он старик и страшный трус. Он хочет, чтобы его участие было покрыто тайной и не будет посещать наших заседаний. Он

обещал выдать мне для будущей нашей организации тоже 50,000 долларов.

Итак, мы имеем 100,000 долларов — сумму вполне достаточную для нашего дела.

Теперь разрешим следующий вопрос: как, каким путем проникнуть к тем, кого мы собираемся уничтожить? Сложнее всего, конечно, этот вопрос в отношении России. Как проникнуть, например, к строго охраняемому предсовнаркому, как добиться свидания с ним, как, вообще, попасть в СССР? Но в Россию попасть нетрудно, имея в руках деньги и советские документы. Такие документы у меня есть. Как я их достал — пока тайна. С этими документами можно смело ехать в СССР, перебравшись через границу Латвии, Польши или Финляндии. Но мало попасть в СССР. Если мы проберемся в Псков или Петроград — предсовнаркомы и наркомы будут так же далеки от нас, как сейчас, когда мы в Париже. Есть другой выход.

Вы знаете, какая масса всяких торговых комиссий и делегаций ездят теперь в Москву. Нельзя ли устроиться в такой комиссии и проникнуть в святое святых большевизма? Безусловно, можно. У меня и Ротвальда огромные связи в Риге. Благодаря этим связям, я могу снабдить наших агентов всевозможными латышскими паспортами, удостоверениями и полномочиями. Можно даже добиться включения этого нашего агента в состав латышской торговой комиссии, которая, по моим сведениям, собирается через некоторое время посетить Москву и будет принята народными комиссарами. Все это я беру на себя и с помощью Ротвальда безусловно устрою.

Вот одна из схем.

Теперь относительно З. Европы. Здесь положение, на мой взгляд, более просто, так как доступ к какому-нибудь французскому или английскому министру гораздо легче, чем к советским наркомам. Среди нас есть знающие английский и французский языки. Обладая деньгами, приличной внешностью, зная язык, всегда можно добиться встречи с тем, кого мы хотим убить. Недавно, как мы знаем, английский премьер давал аудиенцию по какому-то пустяковому пово-

ду одному малоизвестному русскому промышленнику. Почему же и мы не можем сказать, что мы — купцы, даже князья, графы? Наконец, мы знаем, что в Англии и Франции министры бывают совершенно открыто на рабочих митингах, заседаниях. Что мешает проникнуть туда и нам? Есть тысячи способов, как встретиться с намеченными нами жертвами. Эти способы мы будем обсуждать каждый раз особо.

Теперь следующий вопрос. Как сделать, чтобы убийства эти были приписаны большевикам? Конечно, вы сами понимаете, что при каждом убийстве исполнителей его будут ловить. Скрыться трудно. Поэтому каждый из нас будет иметь в кармане советские документы, каждый будет говорить, в случае поимки, что он — большевик, послан из СССР, будет сочинять всякие истории, составленные нами сообща, на каждый случай отдельно. Если кому-нибудь представится случай скрыться, — он должен на месте убийства оставить заготовленную ранее записку, в которой будет стоять, что это — месть большевиков, их борьба за мировую революцию или что-нибудь в этом духе. Можно посылать анонимные письма в газеты, в полицию и т.п. Этим путем мы заставим общественное мнение приписать убийства большевикам.

Коснусь еще одного вопроса. Каким оружием убивать? Так как убийства эти будут персональны, то, по-моему, лучшее и самое удобное оружие — револьвер. Где же найти достаточное количество револьверов? Этот вопрос уже разрешен. В моем чемодане, который служит в настоящую минуту стулом Николичу, находятся 20 бельгийских браунингов с запасными обоймами и около 1000 патронов. Как я добыл все это и где — пока тайна.

Вот, господа, как будто все. Если я забыл что-нибудь, упустил — спрашивайте. Но, ради Бога, покороче, так как я страшно устал.

Заговорил журналист Лерхе:

— Я предлагаю такой вопрос: каковы бы ни были наши чувства к Франции, — мы все же должны быть ей благодарны: она нас так или иначе приютила, дает нам возможность существовать. Приемлемо ли будет с моральной и эти-

ческой точек зрения, чтобы мы отплатили своим хозяевам убийствами, расстройством государственной их жизни?

Зибер ответил:

— О каких моральных, этических точках зрения может быть у нас речь? Наша мораль — родина; наша этика — Россия. Прошу это раз навсегда запомнить. Почему, спрашивается, мы должны нежничать с Францией? Потому, что она дала нам гостеприимство? Но тогда мы не можем тронуть и Англию: там тоже живут русские беженцы. Нет, Лерхе! Забудьте о морали: мы должны быть вне всякой морали. Мы должны забыть всякие чувства, кроме одного — любви к России. Если я скажу, что вы, Лерхе, для пользы родины должны завтра пойти и взорвать Луврский дворец — вы должны пойти и сделать это. Мы не принадлежим себе: мы жрецы великого бога — России, мы должны отдать этому богу все силы и помышления. Как анархисты не стесняются никакой ложью, никакими действиями, никакой прописной моралью, идя к своей цели; как иезуиты ставят цель выше средств, — так должны действовать и мы.

— Нет ли еще каких вопросов или предложений? — спросил Зибер.

— Я хочу, — заявил Батагов, — внести следующее предложение. Всякое общество должно иметь председателя, секретаря, казначея. Поэтому, мне кажется, нужно выбрать этих лиц и приступить к составлению устава общества. Кроме того, необходимо дать нашему обществу какое-нибудь название.

Предложение было принято. Сейчас же приступили к выборам. Председателем был единогласно выбран Зибер, секретарем — Лозин, казначеем — капитан Николич. Устав было поручено разработать и представить на второе заседание Зиберу и Лозину. Оставался вопрос относительно названия общества. По этому вопросу выступил Лозин.

— Господа! Наше общество, ставя своей целью спасение России, идет к этой цели путем уничтожения всех главных виновников гибели нашей родины. Наше общество мстит за Россию, расплачивается за нее. Эта расплата — наше средство для достижения цели, в этой расплате — воодушевле-

ние на подвиг. Все мы, или большая часть из нас, фактически, не увидим воскресения России, мы не получим этой награды за свою работу. Мы расчистим дорогу — спасать будут другие. Наше оружие, повторяю, — расплата. Предлагаю, поэтому, назвать наше общество «Союзом расплаты за Россию».

Предложение было встречено бурными аплодисментами и единогласно принято.

Глава 9

СВЕТ В ЖЕНСКИХ ГЛАЗАХ

Взволнованные, потрясенные возвращались с первого заседания «Союза расплаты за Россию» Вера и Лозин. Заседание закончилось очень поздно, но улицы были полны разряженной публикой; всюду слышались веселые шутки, восклицания и громкий смех: Париж очнулся от дневной жары и высыпал на улицы.

Чуждыми и далекими от этого веселья глазами смотрел Лозин на ночную жизнь прекрасного города. Лозин ушел в себя, в свои думы, в предстоящее ужасное, кровавое дело. Это веселье казалось ему странным, почти преступным. Ему казалось, что вся эта веселящаяся толпа должна знать, какое страшное решение приняла в эту ночь кучка отчаянных, решительных людей. Пройдет немного времени — и, может быть, эта самая толпа будет с возмущением и страхом за будущее обсуждать кровавое убийство своих вождей. Казалось странным, нелепым, невероятным, что вот только они, только двое среди этой толпы, знают великую тайну, знают то, что способно будет изменить ход истории, что взволнует весь мир и заставит его принять какие-то новые решения. И невольно мальчишеское чувство задора, вызова, гордости захватило его и жуткая, но приятная, щекочущая промелькнула мысль: «А что, если напугать эту толпу, остановить ее веселье, крикнуть: долой ве-

селье, потому что мы против вашего веселья, потому что мы хотим, чтобы и вы страдали, когда страдает наша родина, потому что мы — мстители за ваше равнодушное, преступное отношение к России!»

Но, мало-помалу, течение мыслей вошло в другое русло. В душу закралась тревога за будущее, стала давить страшная ответственность, взятая на себя. Удастся ли задуманный фантастический план, а, если удастся, то приведет ли его исполнение к желанным результатам? Много новых, существенных возражений пришло в голову Лозина, но он гнал от себя эти мрачные мысли, так как хотел верить, хотел всецело отдаться задуманному плану.

И другие мысли, тоже мрачные, мучительные, упорно лезли в голову... Он считал их в эту минуту преступными и недостойными. Он считал, что не имеет права на них оставаться, так как уже не принадлежит себе, так как личная его жизнь должна отойти на второй план. Но мысли лезли — сильные, назойливые, порабощающие, они завладевали постепенно его душой, пока не заполнили ее. Эти мысли были о жене, о Вере.

Сегодня... всего час тому назад... он понял, что выросла вдруг каменная стена между ним и Верой. Это было так неожиданно... так ярко и страшно...

Зибер говорил свою речь. Всем существом впитывал в себя эти яркие слова Лозин, увлеченный силой убеждения и горячим чувством оратора. Лозин не сознавал окружающего и видел только бледное, сильное лицо Зибера: оно гипнотизировало и покоряло... Свободно лилась его речь — и каждое слово несло за собой чувства, образы, картины. Лозин не только слышал эти слова и воспринимал — он их видел: перед ним мгновенно, но с огненной отчетливостью пронесли кровавые муки России и дьявольские лица ее растлителей и бледные, измученные, рассеянные по всему миру русские эмигранты.

В глаза Веры потянуло взглянуть и в них увидеть свои мысли. Он обернулся к жене, хотел что-то сказать, взглянул на нее — и слова замерли у него на губах. Он окаменел... Вера, наклонившись вперед, неподвижная и зачаро-

ванная, слушала Зибер. Ее лицо, ее глаза сияли каким-то внутренним, ярким светом, губы сложились в чувственную, зовущую улыбку... Грудь взволнованно, быстро поднималась и опускалась. На лице было такое страстное выражение, такое открытое обожание, преданность, любовь, — что Лозин мгновенно понял все: Вера увлеклась, может быть, влюблена в Зиберу...

Отчаяние охватило Лозина, хотя он и призывал свое благоразумие, хотя он и пытался овладеть собою, хотя он и говорил себе, что нужно забыть о своих чувствах в эту минуту ответственных и, быть может, великих решений... Он почти не слушал теперь, что говорил Зибер. Слова проносились мимо, не задевая души. Новое чувство стало овладевать Лозиным... Он гнал это чувство, призывал свое уважение к Зиберу, преклонение перед ним, но ревность заполнила все, сломала все преграды, все плотины. Ему стоило больших усилий сдержать этот бурный поток. «Как я низок, как я низок! — с тоской думал он. — В такую великую минуту, когда все наши чувства должны составлять одно целое, когда никакая задняя мысль не должна отравлять общего порыва, — я могу, я смею хоть на минуту отдаться такому глупому, такому грязному чувству! И это я, кто клялся Зиберу в своей любви, преданности, кто обещал ему отдать свою жизнь, последнюю каплю своей крови! И из-за чего — из-за взгляда глупой, взбалмошной женщины? Как это нечестно, низко!»

Напряжением воли он прогнал от себя мрачную тень, стал вслушиваться в слова Зиберы и скоро был снова поглощен ими. Когда Зибер, заканчивая свою речь, бросил свой призыв: «Отвечайте — я жду!», Лозин был опять всецело под обаянием Зиберы и возглас: «Я — ваш!» вырвался искренне, из самой глубины души.

В состоянии экстаза он находился до самого конца заседания и лишь потом, после получаса ходьбы с Верой, когда он заметил молчаливость жены, когда он заметил по ее лицу, как далека она сейчас от него, от улицы, от всего окружающего, — все прогнанные мысли снова овладели им с неудержимой силой... Он боролся с ними, напрягал все си-

лы воли для этой борьбы, — но ничего не мог сделать: ревность была сильнее. Он всматривался в лицо Веры, ревниво следил за его переменами — и находил все новую и новую пищу для своего отчаяния... Вера не говорила с ним, даже не смотрела на него. По временам он подмечал на ее губах какую-то новую, странную, рассеянную, томную улыбку. Так, молча, не сказав друг другу ни слова, они дошли до своей квартиры.

Глава 10

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

«Что с нею? — думал Лозин о жене. — Как это случилось... как это могло случиться? Быть может, я слишком мало знаю Веру? Нет, это невозможно! Шаг за шагом он припомнил все, что знал о Вере. Вспомнил рассказы ее отца, московского коммерсанта Шаменина, о сумбурном воспитании девочки и о том, какое влияние когда-то оказало на нее сентиментальное воспитание ее бонны, фрау Берты Эрдманн. Шаг за шагом он вспомнил историю Веры, историю своей первой встречи с нею на юге России, когда Вера была еще девочкой, и новой встречи — уже здесь, в Париже.

* * *

Прожив в России лет 10, растолстев на русских хлебах, привыкнув ко всему русскому, фрау Берта Эрдманн совершенно растерялась, когда началась Великая война. Ее удивило, когда ей напомнили, что она немка, что она может принести вред русским, что она уже не должна учить «девошек» и что ей необходимо покинуть «Московский военный округ потому-то и потому-то, и на основании того-то и того-то». Испуганно и бестолково она смотрела на казенный се-

рый листок с непонятными фразами и параграфами. Машинально она расписалась на бумажке. Солдат ушел, а фрау расплакалась горькими, беспомощными слезами. Куда она поедет, куда она денется, какое она может сделать зло? Ее сердце, воспитанное на Вернер и Марлитт*, разрывалось от незаслуженной обиды. Отдать 10 лет на обучение детей этих русских — и в благодарность получить листок с сухим приказанием выехать из Москвы. «О, эти русские свиньи!»

И впервые за 10 лет она вспомнила, что, кроме России, у нее есть другая родина, вспомнила далекий Гроссенгайм, в Саксонии, где прошла ее юность, вспомнила поездки с отцом на речные пристани Эльбы. Потом — переезд с отцом в Берлин, знакомство с учителем математики, прогулки с ним по лесу у Шарлоттенбурга. Генрих был так похож на героев Вернер! Она не могла устоять и отдала ему свое сердце... В тот же год умер ее отец и Генрих увез ее в далекую Москву, где ему дали место преподавателя в гимназии. Берта сначала с трудом привыкала к чужой жизни, чужому языку, но вскоре ее уже совершенно не тянуло на родину. С этими варварами можно было жить.

Немецкая аккуратность дала сытую, обеспеченную жизнь, особенно при наличии у фрау Берты двух-трех уроков немецкого языка на Остоженке и Поварской. Ей не стоили никакого труда эти уроки, ей удивляло, что ей платят такие деньги в барских домах, но это не мешало ей гордиться, что она хорошая помощница мужу.

В 1905 году, во время московского восстания, ее бедный Генрих был убит шальной пулей и с тех пор она возненавидело русских революционеров, которых считала убийцами мужа. Это не помешало ей скоро успокоиться, чему помог один красивый офицер московского гарнизона. Дальше жизнь потекла гладко и размеренно. Жирными урока-

* Имеются в виду немецкие писательницы Э. Вернер (Е. Бюрстенбиндер, 1838-1918) и Е. Марлитт (Е. Йон, 1825-1887), известные «дамскими» любовными романами.

ми методично и точно округлялась приличная сумма в банке. И вдруг — война... и серая казенная бумажка.

Фрау Берта побежала к Шаменину, с которым дружила и дочь которого — Верочку — учила немецкому языку. Богатый вдовец, коммерсант английской складки, бритый и надушенный, Шаменин рассмеялся над страхами немки и обещал все устроить. Он съездил куда-то, в чем-то поручился — и фрау Берта осталась в Москве. Но ей стало тяжело жить и работать в новой русской обстановке. Она лишилась большинства уроков, так как некоторые квасные патриоты склонны были видеть в ней шпионку. Тогда Шаменин взял ее к себе в дом и, кроме уроков с дочерью, поручил ей хозяйство.

Фрау Берта была довольно эффектна, хорошо выглядела для своих 30 лет, была пышно сложена, белокура, голубоглаза. Она быстро оценила обстановку и вскоре могла считать себя с полным основанием второй матерью Веры... и второй женой Шаменина. Она обладала добрым, мягким сердцем, а потому свое положение фаворитки использовала только в лучшую сторону. Девятилетняя Вера полюбила ее крепко и горячо. Воспитание по рецептам чувствительных романов Вернер мало давало уму Веры, но много чувству, сердцу девочки. Все то, что окружало их — шумная жизнь Москвы, военные и политические события — все это проходило мимо Веры, прикрытой от внешнего мира пышной фигурой фрау Берты.

Революция поразила Веру своей стихийностью, своим внешним величием, кипящим счастьем, сияющими улыбками прохожих. Либерал-отец был на седьмом небе. Фрау Берта слегка растеряна, но довольна, что скоро кончится эта проклятая война. Двенадцатилетняя Вера потихоньку читала газеты, ничего не понимала, но была влюблена детским сердцем в Керенского.

Потом пришли дни неуверенности, грозных слухов, осторожных разговоров... Пришли большевики... Либерал-отец становился все мрачнее, не восторгался больше революцией, даже поругивал ее. Фрау Берта не выпускала Веру из квартиры. Когда в октябрьские дни два снаряда разорвались около их квартиры, а в прихожей умер юнкер, проко-

лотый штыком, — Шаменин послал к черту революцию и сказал, что нужно уезжать из Москвы.

В феврале 1918 года они были уже в Екатеринославе, в районе немецкой оккупации. Они жили у родственника Шаменина, ничего не делали и проедали тот денежный запас, который увез с собой Шаменин после молниеносной и убыточной ликвидации своих многочисленных московских дел.

Зато фрау Берта была счастлива. От стройных германских лейтенантов и чистеньких голубоглазых солдат на нее повеяло запахом родной Эльбы. Это было особенно мило и приятно на фоне той разнузданности, которая окончательно овладела русскими «дикарями». От немецких лейтенантов фрау Берта быстро научилась презирать русских. Она не менее быстро забыла и жирные уроки немецкого языка на Поварской и московское хлебосольство.

Кончилось тем, что она внезапно исчезла. В письме, полученном через несколько дней, она сообщила подробно о своем внезапном отъезде. Она уехала в Берлин с каким-то врачом ландштурма, прельщенным ее пышными прелестями, а еще более, вероятно, солидными сбережениями в золоте, деньгах и драгоценностях. Письмо было проникнуто вернеровской грустью. Фрау Берта просила извинить ее за внезапный отъезд, но прибавила, что новая русская обстановка, пылкая любовь к доктору и тоска по родине заставляют ее решиться на этот шаг. В заключение она сообщила, как ее можно найти в Берлине.

Шаменин философски спокойно отнесся к этому бегству, но горе Веры было глубоко. В фрау Берте она видела мать, с нею уходило милое, спокойное, хорошее детство. Вокруг стало страшно. Ушли германцы. Начался развал установленного немецкими штыками порядка. Начались скитания, погоня за покоем, завертелись, как в кино, большевики, гайдамаки, добровольцы, зеленые, французы... Из рук одних бросало, как мяч, в руки других, сегодня один, завтра другие...

Была непонятная для девочки дикая чехарда. И нависла над юной душой мрачная туча, как страшная сказка старухи-няни, как темная комната в детстве... Все страхи сое-

динились в одном слове — большевики... В ее маленьком сердечке поселилась к ним яркая ненависть, страх и непонятное преклонение, как перед чем-то могучим, дьявольски умным и злым. Эти чувства питались проклятиями отца, потерей семейного уюта и тети Берты, рассказами раненых добровольцев и вечными переездами в поисках спасения от *них*.

В двадцатом году, в солнечное осеннее утро, в квартиру позвонили. Открыла дверь Вера. На пороге стоял юноша в погонах унтер-офицера. Он сказал, что ему нужно видеть по делу Шаменина и окинул внимательным и теплым взглядом стройную фигурку Веры. Он ей понравился — такой славный, красивый. Ей были приятны его мягкие, чуть расплывчатые черты, мечтательные глаза, пушок на верхней губе, ясная улыбка. Это был Лозин. Он стал бывать у Шамениных. В глазах пятнадцатилетней девочки Лозин был герой, спаситель от *них*, от большевиков. Смутный инстинкт женщины проснулся в детской душе, воспитанной на чувствительных рассказах фрау Берты и романах Вербицкой и Нагродской*, которые она уже успела проглотить тайком от отца. Вероятно, это была настоящая любовь — горячая, преданная, бескорыстная, лишенная еще чувственных зовов. В Лозине был заключен весь мир. Юноша чувствовал, что девочка влюблена в него, но смотрел на это, как на детскую чепуху, хотя ему и льстило ее поклонение.

Потом он уехал на фронт. Трепетно и жарко молилась Вера по ночам за его жизнь. А вести с фронта были все страшнее. Фронт катился назад — неуклонно и стихийно. Шаменины переехали в Мелитополь. Потом — катастрофа, среди раскатов которой Шаменины потеряли Лозина. С волной беженцев оба попали в Константинополь. Поставка продовольствия в армию, тесная связь с англичанами и коммерческое счастье позволили Шаменину жить на чуж-

* А. А. Вербицкая (1861-1928) и Е. А. Нагродская (1866-1930) — чрезвычайно популярные до революции, позднее считавшиеся бульварными писательницы; обе поднимали в своих произведениях темы женской эмансипации, сексуального раскрепощения и т.п.

бине безбедно. И это длилось четыре года. Потом счастье изменило ему. Неудачная биржевая комбинация разорила его. Спихватился, стал искать выхода из положения, еще больше запутался. И пришел конец: удар... за ним второй. Теперь Вера была одна. Прожила те крохи, что остались от отца... Потом пришлось вспомнить уроки фрау Берты: взялась за шитье, штопанье, вышивание, раскрашивание. Этим зарабатывала на жизнь. Затем поступила в фешенебельное кафе Галаты. Здесь случайно прочла в парижской эмигрантской газете стихотворение, подписанное: Андрей Лозин. С прежней силой воскрес в ее душе образ юноши, образ героя, которого она считала погибшим и давно уже оплакивала. Проснулись надежды на встречу. Она написала в редакцию той газеты, где было напечатано стихотворение, приложив письмо для Лозина. Затем получила радостный ответ. Из письма Вера узнала, что после бегства из России, после мытарств в Турции, Сербии и Италии, Лозин попал в Париж. Ему пришлось быть за это время статистом, портье, лакеем, наездником, шофером, даже клоуном в цирке. Впоследствии работа в парижских газетах давала ему заработок и более или менее устроила его. Завязалась переписка. Лозин жаловался на тоску, на одиночество. Он советовал Вере перебраться в Париж, обещал помочь устроиться. Через полгода Вера была уже в Париже, а еще через полгода, после короткого и нежного романа, стала женой Лозина.

* * *

Дальше — тяжелые годы эмигрантской жизни, борьбы за существование. Тяжелые годы серой работы, непрерывной погони за куском хлеба, унижений и горьких ударов. Им пришлось работать обоим. Лозин писал и сотрудничал в эмигрантских изданиях, Вера служила конторщицей в небольшой русской фирме. Целый день оба тащили тяжелую лямку, обедали отдельно и встречались только вечером, ко-

гда, усталые, разбитые, возвращались домой и мечтали лишь о том, чтобы поскорее заснуть. Так шли месяцы, годы.

Только теперь, когда Лозин перебрал в своей памяти все эти годы, каждый шаг, каждое событие в их жизни, — ему пришло в голову, что, пожалуй, его духовная связь с Верой была вовсе уж не так крепка. Занятый вечной борьбой за существование, своими вечными мечтаниями о каких-то великих событиях, которые изменят в корне положение в России, — Лозин отдавал жене лишь небольшую часть своей души. Он привык смотреть на Веру, как на свое, как на принадлежащее ему всегда, как на часть самого себя. Раз навсегда он решил, что место Веры в жизни — около него. Вероятно, он был бы неприятно удивлен, если бы ему напомнили, что Вера может иметь свое мнение, свои желания, что она видит мир по-своему. Не то, чтобы он не признавал ее права на все это. Теоретически он признавал, но ему не приходило в голову, что она может об этом праве вспомнить... он вообще не думал об этом, забыл, не останавливался на этом.

Занятый своей работой, увлеченный своими далекими от жизни мечтаниями, он как-то отстал от Веры, перестал интересоваться ее душевным миром, считал, что там все благополучно и иначе быть не может. Он почти не знал, что она читает, чем интересуется, что занимает ее. Они отошли друг от друга за последние годы — и только сейчас Лозин почувствовал это ярко и больно.

«Она меня больше не любит! Она меня больше не любит!» — пронеслась, как откровение, страшная мысль: «Она меня больше не любит!»

Глава 11

ШЕСТЬ НАЕМНЫХ УБИЙЦ

На втором заседании «Союза расплаты за Россию» Зибер рассказал о ближайших задачах нового общества.

— Господа, — начал он, — время не терпит и мы должны как можно скорее приступить к работе. Ближайшая перед нами задача состоит в том, чтобы определить, кто первый будет объектом наших действий и кто из нас совершит эти первые действия. По моим соображениям, сразу же к делу может приступить четверть нашего союза. Нас всего 24 человека. Итак, начинают дело 6 из нас, остальные будут в резерве.

Что касается СССР, то здесь не может быть сомнения, что первыми должны пасть красный диктатор — мозг компартии, — и наркомвоенмор — мозг красной армии. Вот ближайшая наша задача. Дальше следует ряд других лиц, играющих наиболее крупную роль в СССР. Вот их список.

Зибер назвал 15 фамилий видных советских работников.

— Пока, — продолжал он, — этого списка более, чем достаточно. Есть ли возражения против этого плана, списка и последовательности убийств?

Возражений не было и Зибер продолжал:

— Теперь 3. Европа. Не короли теперь делают политику, поэтому мы их оставим в покое, а все свое внимание обратим на правительства, т. е. на министров и, отчасти, на руководителей армий. В обеих намеченных нами странах — Англии и Франции — должны быть уничтожены прежде всего премьер-министры и министры иностранных дел. Во Франции — для большего шума — можно убить не только премьера, но и самого президента.

Шесть первых жертв нашего союза должны быть:

В СССР: красный диктатор и глава советской армии. В Англии: премьер-министр Роберт Кларк и министр иностранных дел, Генри Брайд. Во Франции: президент Луи Моран и премьер-министр Шарль Леду.

Теперь мы должны путем жеребьевки установить, кто из нас должен исполнить этот первый приговор нашего «Союза расплаты за Россию». Я беру... вот, видите... я беру 24 одинаковых клочка бумаги. На шести из них я пишу имена наших жертв. Теперь каждый клочок я сворачиваю в трубочку.

Среди напряженной тишины Зибер свернул бумажки и положил их в шляпу.

— Господа, наступает решительный момент! Сейчас мы узнаем, кому суждено первому вступить на великий путь спасения России. Я беру бумажку... прошу всех последовать моему примеру.

Один за другим все вытянули трубочки... развернули их.

После минуты сосредоточенной тишины Зибер дрогнувшим голосом, почти шепотом спросил:

— Кому... кому же достался английский премьер?

— Мне! — поднял руку лейтенант Завойко.

— А английский министр иностранных дел?

— Мой! — весело крикнул подпоручик Окулич.

— Французский президент?

— Отдан мне... — спокойно сказала Анна Годе.

— А премьер Франции?

— Не уйдет от меня... — мрачно пробасил прапорщик Лор.

— Глава красной армии?

— Судьба указала на меня. Я исполню это, Зибер! — серьезно блеснул глазами поручик Малявин.

— Красный диктатор?

— Это мой жребий... — прошептала побледневшая Вера Лозина.

Глава 12

«19 СУМАСШЕДНИХ МУЖЧИН И 4 БЕЗУМНЫХ ЖЕЩИНЫ»

К одному из крошечных открытых кафе на бульваре Монпарнас в душный вечер подошли два господина. Они вполголоса говорили между собой по-немецки, но, подойдя к кафе, перешли на французский язык. Сев за один из

отдельных столиков на открытом воздухе, они подозревали гарсона и заказали бутылку бордо и цитронада. Когда требуемое было подано и гарсон ушел, один из собеседников, закулив сигару, сказал по-русски:

— Ну вот, Ротвальд, теперь мы можем приступить к разговору. Что вы имеете сообщить?

— Я исполнил, Зибер, то, что обещал. Штаб ассигновал мне даже большую сумму, чем я требовал. Он дал 60,000 долларов.

— Итого, вместе с ассигнованными мне деньгами, это составит 110,000 долларов. Этого пока достаточно. Где теперь штаб?

— Э, погодите, Зибер, — ответил второй собеседник, — не все сразу! Вы все спрашиваете меня, позвольте и вас спросить. Вы пока и слова не сказали о деле и я не знаю, в каком оно положении. Удалось ли вам что-нибудь?

— Все готово, Ротвальд! У меня набрано 19 сумасшедших мужчин и 4 безумных женщины. Мужчины, в большинстве, офицеры. Я так обработал эту компанию, что они пойдут за мной и огонь и воду — будьте покойны! Не пройдет и двух месяцев, как мир затрещит! Погибнут те лица, которые были намечены в прошлое заседание в Шлаве нашим штабом. Можете сообщить это генералу Эльму.

— Зибер, вы молодец! Обделать такое дельце — и так быстро! Где же вы разыскали их? Как вы им в душу влезли?

Зибер самодовольно усмехнулся.

— Немножко терпения, немножко красивых, патриотичных слов, немножко знания людей — и дело в шляпе! Недаром выбрали для этого дела меня. Где же все-таки ваш штаб, Ротвальд? Скоро я посылаю подробный доклад моему патрону. Копию доклада, согласно данным мне инструкциям, я должен представить и в ваш штаб.

— Штаб Эльма сейчас в Грюнберге, по Бреславльской железной дороге. Кроме Эльма, там находится сейчас много наших патриотов. Вашу копию доклада можно доставить через парижского агента Бальвица. Его адрес: улица Паради, 8. Он живет под русской фамилией. И лучше будет, если вы обратитесь к нему через меня, так как нам приходит-

ся соблюдать большую осторожность.

Зибер и Ротвальд поговорили еще несколько минут, потом Ротвальд простился и пошел по направлению к Западному вокзалу.

Если бы кто-нибудь из членов созданного Зибером «Союза расплаты за Россию» увидел бы эту удаляющуюся широкую, прямую спину, твердую походку, отрывистые движения, он наверное не согласился бы со словами Зибера, что Ротвальд — старый, трусливый, мирный рижский купец. Его можно было скорее принять за командира прусского гвардейского полка, чем за рижского коммерсанта.

* * *

На третьем заседании Зибер давал последние инструкции шести членам «Союза», которые должны были вскоре приступить к делу.

— Вам, — говорил он, — предстоит честь первыми открыть действия нашего «Союза». Вы будете работать в трех государствах и различными путями. Конечно, я не могу вам дать точных инструкций: все будет зависеть от обстоятельств и от ваших способностей и умения. Но я могу наметить начало вашего пути, первые ваши шаги. Делю вас на четыре группы.

Первая группа русская: Вера Лозина и Малявин. Вы должны получить германскую и латышскую визы и выехать в Штеттин, откуда ходят германские пароходы в Либаву. Отсюда вы едете по железной дороге в Ригу. Сохраняя большую осторожность, чтобы агенты советского посла в Латвии не узнали о ваших намерениях, вы найдете одного моего влиятельного друга, купца Иосифа Старка, к которому я дам вам письма. Этот Старк с помощью правительства организует поездку латышской торговой делегации, которая, по всей вероятности, будет принята красным диктатором. В своих письмах я пишу, что хотел бы завязать торговлю с Москвой и посылаю своих двух агентов, которых про-

шу пристроить в делегацию. Но так как эти агенты русские, то, во избежание всяких недоразумений с сов-властями, я прошу Старка выдать им латышские документы. Я нахожусь в таких отношениях со Старком и наобещал ему столько выгод при посредничестве между мной и Москвой, что жадный и скупой торгаш безусловно согласится на все мои просьбы. Адрес Старка я вам дам завтра, а по вопросу о тактическом вашем поведении со Старком и по дороге в Москву я еще переговорю перед вашим отъездом. Перед отъездом же вы получите оружие и деньги.

Вторая группа, английская: Завойко и Окулич. Вы получаете визы — и едете в Лондон. Вам может много помочь лондонский коммерсант, мой знакомый, Артур Нокс. Этому господину я буду рекомендовать одного из вас, как любознательного туриста. Я попрошу Нокса, чтобы он познакомил этого туриста с политическими вождями и т.д. Думаю, что это будет нетрудно Ноксу, так как он имеет огромные связи. Благодаря ему вы получите, надеюсь, все необходимые сведения. Оружие и деньги вы получите перед отъездом, также как и дополнительные инструкции.

Третья группа, французская: Анна Года и Лор. Эта группа будет работать здесь в Париже, под моим наблюдением.

Теперь я должен решить с вами еще некоторые подробности. Прежде всего, английская и французская группы должны согласовать периоды времени, когда они могут совершить свое дело. Русская группа действует самостоятельно, так как известить меня из Москвы она не может, да это и не нужно. Итак, английская группа посылает телеграмму самого невинного содержания по виду. Например: «Деньги переведу между двадцатым и двадцать седьмым. Окулич». Я буду знать, что Окулич может убить министра Генри Брайда между двадцатым и двадцать седьмым этого месяца. Французская группа дает все сведения здесь, на месте.

Когда те из нас, кто должен уничтожить намеченных лиц в Англии и Франции, идут на свое дело, — они должны спрятать или уничтожить все свои личные документы. В их карманах должны быть или поддельные советские доку-

менты или, вообще, бумаги, прокламации и листки, указывающие на принадлежность данного лица к советской организации. Текст прокламаций мы выработаем сегодня и напечатаем на машинке.

С вашими телеграммами на мое имя прошу поступать так. Вы посылаете телеграмму в газету «Эхо де Пари» и просите напечатать в отделе справок и объявлений заметку на имя Александра Лури. В этой заметке вы излагаете все, что нужно для меня. Посылать телеграмму на мое имя опасно.

Глава 13

«Я ПРИШЛА СКАЗАТЬ, ЧТО ЛЮБЛЮ ВАС»

Часа через два заседание закончилось. Зибер утомленно потянулся и сел к письменному столу. Он только что собирался открыть папку с бумагами, когда услышал легкий стук в дверь. Зибер быстро обернулся и беспокойно прислушался. За дверью было тихо.

— Кто там? Можно!

В комнату вошла Вера Лозина. Зибер с удивлением посмотрел на нее. Она была сильно взволнована. Лицо имело смущенное выражение, щеки горели; она нервно теребила кружева носового платка, который поминутно подносила ко рту и губам.

Зибер вскочил, придвинул стул и предложил Вере сесть. «Хм... пришла отказаться? Испугалась?..» — сердито подумал он.

— Вы, вероятно, по поводу своей поездки?

— Да... т. е. нет... — женщина вспыхнула под внимательным взглядом Зибера. «Неужели он не догадывается, неужели мне придется говорить все до конца?» Она глубоко вздохнула и сказала — быстро, решительно, сразу, как будто в воду бросилась:

— Я пришла сказать вам... сказать, что я люблю вас...

Зибер вздрогнул. «Вот так пассаж! — подумал он. — Совершенно непредвиденное обстоятельство...» Он почувствовал себя глупо: этот сильный, энергичный человек растерялся, как мальчик. Он не мог подобрать ни одного слова, не знал, что сказать — и от этого еще больше терялся. Вера быстро, в упор посмотрела на него и как будто приободрилась. Она заговорила, постепенно становясь спокойнее и спокойнее: видно было, что она сказала главное, свалила с души самый большой камень и теперь чувствовала, что отступления нет и не будет.

— Это началось сразу... с первой нашей встречи. Я думала, что это увлечение, что это моя натура... увлекающаяся, экспансивная. Но потом я увидела, что это серьезно. Я не могла думать ни о чем, кроме вас, вы были всегда передо мною... вы были моей болезнью, я болела вами все это время. Простите меня — я как в бреду и не знаю, что сказать, как выразить свои... свое... ну, чувство. Я никогда не сказала бы вам всего этого, хотя я женщина смелая. Много видела в жизни и не боюсь высказать то, что я думаю. Но обстоятельства вынудили меня сказать... и вот — я здесь.

— А как же ваш муж? — спросил Зибер и сразу почувствовал всю глупость этого вопроса.

— Андрей? — печально усмехнулась Вера. — Я никогда его не любила, никогда. Мне казалось только, что я люблю; я теперь только поняла, что это была не любовь. И, вообще, я не знаю... не думаю о нем... я ничего не знаю... Андрей и вы! Я никогда даже не думала сравнивать вас... я забыла о муже...

Она замолчала. Зибер чувствовал себя неловко, не знал, как прервать это молчание. Но Вера заговорила снова.

— Жребий пал на меня... я уезжаю... на смерть. Но я решила раньше сказать вам все. Вы — суровый человек, человек идеи и личной жизни для вас не должно существовать. Но, может быть, и в пылу вашей работы... вы вспомните о женщине, которая любила вас и сама сказала вам об этом... Вы можете подумать, что мое посещение... театрально... выходка взбалмошной женщины... Неужели вы не видите, что я говорю из самой глубины души? Ах, как сделать, чтобы

вы поняли меня? Через несколько дней я уезжаю... навсегда. Я не могла уехать и не сказать вам всего... Я не могу, не могла, чтобы вы не узнали о моем чувстве. Это выше моих сил. Я хочу, чтобы вы думали обо мне...

Зибер слушал эти бессвязные слова и невольно волнение этой белокурой прекрасной женщины стало заражать его. «А ведь она хороша, удивительно хороша!... А что, если...» Его смущение вдруг прошло, хищный огонек мелькнул в глазах. Он покраснел от тайного волнения. Потом встал и, придвинув кресло, пересел поближе к Вере.

— Я понимаю вас и нисколько не осуждаю за ваш шаг. Никогда, никогда, клянусь вам! — воспоминание о вас не изгладится из моей души. Никогда — это до тех пор, когда и я паду жертвой нашего общего дела. Ваше признание растрогало меня... разбудило все то, что давно уже не волновало меня... все лучшие мои чувства. Я скоро расстанусь с вами, мы больше не увидимся никогда. Позвольте же на прощание поцеловать вас. Пусть этот поцелуй соединит нас; пусть узнаем мы, что при других обстоятельствах мы, может быть, никогда не расстались бы...

Вера видела приближающиеся к ней огромные глаза. Она прочла в них открытое желание. Она испугалась... но глаза гипнотизировали ее, сковывали ее волю, она чувствовала сладкое замирание, слабость...

Она склонилась к Зиберу, он схватил ее, сжал и впился своими губами в ее губы. Она замерла, задыхаясь, и сквозь сладкий туман почувствовала, как сильные руки подняли ее и понесли куда то в темноту...

* * *

— Где ты была?

— Что за странный тон, Андрей?

— Вера! Где ты была?

— Гуляла... Была в парке Монсо.

— Вера... ты лжешь! Я вижу по твоим глазам, что ты лжешь!

— Что с тобой, Андрей? Как ты смеешь! Я никогда не давала тебе повода не верить мне...

— И все же ты лжешь, Вера... несмотря на твой такой естественный тон! Я чувствую ложь... вижу ее в твоих глазах...

— Где же я была... по-твоему?

— Об этом я тебя и спрашиваю!

На ее лбу легла упрямая складка.

Она вышла из комнаты. Хотелось броситься вслед. Вдруг сдавило горло бешеное желание схватить ее, повалить на пол, избить, топтать ее ногами, крикнуть:

— Вот тебе за измену!

Но не было доказательств. Ему стало стыдно... его Вера... его жена... И опять порыв бешеной ревности. Доказательств нет? Так нужно их найти! Как? Не верить ей? Следить? Не верить ей... своей жене? Да, не верить, не верить... следить... поймать на месте преступления! Боже мой... какая мука! Как сразу все рухнуло вокруг...

* * *

Пять дней слезки... постыдной слезки за своей женой. Никогда не думал, что дойдет до этого. На шестой день... В темной подворотне его дома схватил маленькую, такую знакомую руку в серой перчатке, сдавил, стиснул так, что Вера вскрикнула.

— Теперь тоже... парк Монсо? — злобно прошептал Лозин.

Она не ответила. По его лицу увидела, что отпираться бесполезно и глупо: он, видимо, знал все.

— Пусти меня! Пусти меня... ты делаешь мне больно!

Он перестал жать ее руку, но не выпустил из своих пальцев. Зашептал:

— Ты была у Зибера! Подлая, негодная женщина!... Ты обманываешь меня с ним... Самка, грязная самка!

— Не смей меня оскорблять!

— Молчи! Он увлек тебя, он свел тебя с ума своими красивыми словами. Ты забыла все... ты забыла свой долг... Годы жизни со мною... свою честь, элементарную порядочность. Подлая, подлая! Так растоптать нашу жизнь, так оплевать все святое — грязно, низко, бессердечно. Ну, говори, говори! Оправдывайся! Скажи что-нибудь!

— Я люблю его...

— А я? Кто же я для тебя? Так быстро забыть все! Вера... Вера! Разве ты не клялась мне в любви, разве ты не говорила, что я все для тебя в жизни, что больше у тебя никого нет? И эти годы... годы нашей общей жизни, нашей борьбы за существование? Неужели их можно забыть — так преступно-легкомысленно, так подло, так быстро? Ну, говори. Скажи что-нибудь!

— Я люблю его...

Красный туман вдруг закрыл от него все — и Веру, и улицу, и эту темную подворотню.

— Я убью его! Я пойду к нему сейчас! Интриган! Грязное, низкое животное!

— Ты не пойдешь! — вскрикнула Вера. — Ты не пойдешь! Подумай, что ты говоришь! А где твоя любовь к России, хваленая жажда подвига? Убить Зиберу — значит убить нашу организацию, убить наш план. Что дороже для тебя — твое личное маленькое счастье... или Россия? Ты клялся в преданности Зиберу, ты клялся идти за ним до конца. А теперь... глупая история... любовное приключение жены — и твой хваленый патриотизм испарился, как дым! Ты должен быть выше всего этого. Убей меня! Убей меня, потому, что я виновата, а не Зибер! Но и здесь это будет предательством перед нашим союзом, потому что я не принадлежу ни тебе, ни себе. Я принадлежу идее, я — раба нашего Союза, и недалек тот час, когда я должна буду уехать в Москву, исполнить свой долг и... умереть. Ничто не спасет меня, Андрей... и не глупо ли сейчас, накануне моей гибели, предъявлять на меня права мужа? Права мужа... сейчас, на фоне наших великих задач... как это пошло звучит... права мужа!... Я не твоя, Андрей! Ты не имеешь на меня прав. О семейном, маленьком уюте, верности и мещанском счастье

нужно было забыть, когда ты пошел на это дело и взял меня с собою. Не будь смешон, Андрей! Эта глупая ревность, эта мелодрама сейчас не к месту... перед лицом смерти, которая ждет всех нас — членов Союза. Что ты хочешь от меня? Признания? Да, я люблю его... я не могу не любить его. Он сильный, он смелый, он вождь. Я могу... у меня хватает смелости идти на смерть только потому, что так ему нужно, так требует его план... Женщина может пойти на подвиг только ради любимого... и я иду. Не будь смешным, Андрей... не будь предателем нашего Союза. Моя измена... твоя ревность... права мужа — все это мелко и пошло перед нашим великим делом! Оставь меня! Через два дня я уезжаю в СССР и мы больше не увидимся никогда. Не смешно ли говорить сейчас о твоих правах на мою супружескую верность?

Глава 14

ОТЪЕЗД ЧЕТЫРЕХ

Вскоре после третьего заседания «Союза расплаты за Россию», в Париже произошло маленькое, не обратившее на себя никакого внимания прессы и публики событие: с Северного вокзала уехали в Англию и СССР четыре члена «Союза» для приведения в исполнение выпавших им по жребию террористических актов. Эти четыре человека растворились, исчезли в шумной, крикливой вокзальной толпе. Никто не интересовался ими, никто не остановил на них своего внимания, никто не мог знать и предположить, какими страшными волнениями, какими событиями грозил миру этот отъезд четырех скромно, но хорошо одетых людей. Они ничем как будто не отличались от окружающих и взгляды жандармов равнодушно скользили по лицам этих четырех, как и по лицам других путешественников.

А между тем, внимательный физиономист непременно отметил бы, хоть на минуту, эти лица. Отметил бы не толь-

ко по типу и характерным чертам, отличавшим эти лица от подвижных, нервных французских лиц: это не удивило бы физиономиста, так как иностранец на парижских вокзалах — явление обыденное. Его удивило бы особенное, значительное выражение этих лиц. Он прочел бы в бледности, в суровости, в сосредоточенности — какую-то особенную, затаенную мысль; в неподвижных, глубоко ушедших глазах — печать обреченности, печать отказа от жизни; в спокойно сжатых губах — твердо и ясно поставленную цель.

Несмотря на категорическое запрещение Зиберы провожать отъезжающих, чтобы не привлечь случайного внимания, — Лозин пришел провожать Веру.

После бурного объяснения с женой Лозин ушел в себя, замкнулся, старался отдалиться своему делу. Вера изменила к нему свое отношение: перестала избегать его, была ласкова, нежна к нему и обрывала его только тогда, когда он пытался снова заговорить о своих чувствах или о Зибере. Так длилось до отъезда.

* * *

За это время Лозин перенес много страданий. С одной стороны, Вера делала все, чтобы хоть немного вознаградить его за свою холодность и равнодушие. С другой стороны — она почти не скрывала своих новых отношений с Зибером, иногда неосторожно делилась с Лозиным своим счастьем, которое было написано в каждом выражении ее лица, в каждой улыбке, в каждой фразе. Казалось, она сияла от счастья и хотела, чтобы ничто не омрачило этих светлых дней — может быть, последних дней ее жизни.

Настал день отъезда... И вот он здесь, на вокзале, около Веры, забыв все распоряжения Зиберы, забыв дисциплину «Союза», забыв все в мире, кроме этого бледного милого лица... Он боялся, что больше никогда не увидит Веры... «Отойдет поезд, я затеряюсь в толпе — и для Веры я исчез...»

Лозин думал, знал и раньше, что должен будет расстаться с Верой, что она уедет и не вернется, — но этот отъезд казался далеким, о нем не хотелось думать, он был впереди. Только теперь Лозин вдруг ясно, с ужасающей отчетливостью, понял, уяснил эту страшную мысль: «Ведь Вера уезжает, уезжает *навсегда*; она *никогда* не вернется. *Никогда!* — какое страшное слово. Я *никогда*, *никогда* не увижу этого лица, не услышу этих слов, *никогда!* И что ждет ее, какие страшные мучения, пытки... Господи! Да как же это? Что я делаю? Я... я посылаю ее на это — я, — потому что я привлек ее к этому безумному делу! Да как же я молчал об этом? Как я не протестовал, не заменил ее собою?.. Ведь я знал, что ее ждет! Я согласился послать туда, к этим зверям, в Россию — ее, мою нежную, хорошую, славную Веру? Господи! Я схожу с ума! Вера! Вера!»

Последние слова он сказал вслух, почти крикнул. Он сжал руку жены и торопливо, с безумным выражением на лице, стал уговаривать Веру бросить все, не ехать, идти с ним, бежать от Зибера, от «Союза», бежать от мести за неисполнение устава... «Если ты не согласна на бегство, — шептал он, как в бреду, — я поеду вместо тебя в СССР, я заменю тебя, ты останешься здесь. Я не пущу тебя! Ради меня... нет... ради твоей любви к Зиберу! Видишь, я на все согласен...»

Вера испуганно смотрела на него, отведя его в сторону от Малявина. Она нервно хватала Лозина за рукав, оглядывалась, прерывала мужа, умоляя замолчать. Наконец, она вырвала свою руку, топнула ногой и гневно заговорила:

— Ты с ума сошел, Андрей! Сейчас соберется толпа, нас арестуют! Ты безумец! Оставь меня! Стыдно, Андрей! Где твоя любовь к родине, жажда подвига? Ты уцепился за мою юбку — и забыл все; — это ты, кто кричал, что отдаст за Россию свою жизнь... Сильный человек задумал, как помочь России, а ты хочешь на первом же шагу все погубить своими истерическими выходками... Я перестану уважать тебя... Нет! Нет! Нет! Я еду, я должна ехать! Оставь меня! Ты не стоишь и мизинца Зибера! Я презираю тебя, ненавижу! Предать дело, предать Зибера, предать родину! Какой ты жал-

кий человечиска!

Она бросилась к вагону, так как Малявин кричал ей, что поезд отходит.

Растерянными глазами смотрел Лозин, как скрылась в дверях вагона Вера, как этот вагон сначала медленно, потом быстрее поплыл мимо и скрылся в облаке дыма и пара. Лозин стоял и смотрел упорно туда, где еще слышно было постукивание вагонов на стрелках.

* * *

Со следующего же дня после отъезда четырех, Зибер, Анна Года и Лор приступили к организации намеченных во Франции террористических актов. Работа эта заключалась в точной сводке всех газетных сведений о поездках и местопребывании президента и премьер-министра, о предполагавшихся выступлениях премьера в Палате депутатов и о путешествии президента республики в департамент Арденн для осмотра окончательно восстановленных после Великой войны населенных пунктов. Не ограничиваясь газетными сведениями, Зибер воспользовался своими огромными связями в Париже и в осторожных разговорах выпытывал и замечал все то, что нужно было для успеха задуманного плана.

Сводя в одно ежедневно добываемые сведения, Зибер с досадой убеждался, что приступить к решительным действиям скоро едва ли будет возможно. Необходимо было, ради согласованности, ждать сведений из Англии. Единственными пока сообщениями оттуда после отъезда Завойко и Окулича были две заметки в отделе объявлений и справок «Эхо де Пари». Там говорилось, что оба прибыли на место, разыскали нужных лиц и приступили к работе.

От Малявина и Веры Лозиной пришла телеграмма из Штеттина. Они сообщали, что в Либаву удастся выехать только через неделю, так как они опоздали на ближайший пароход.

Если кто-нибудь обратил бы внимание на выражение лица Зиберы, когда он читал телеграмму из Штеттина, и если бы этот наблюдатель знал, какое важное значение имела телеграмма Малявина для успеха задуманного «Союзом» плана, — наблюдателя поразило бы полное отсутствие на лице Зиберы тревоги и заботы; мало того, Зибер улыбнулся насмешливо-равнодушно.

— Ну, эти, — прошептал он, — меня мало интересуют! Они могут не торопиться...

Глава 15

ВОЙНА ЕВРОПЕ ОБЪЯВЛЕНА

Через двадцать дней после отъезда Завойко и Окулича, Зибер прочел следующую заметку в справочном отделе газеты «Эхо де Пари»:

«Париж. Александру Лури.

Можем сделать перевод между первым пятнадцатым надемся удовлетворить. Завойко Окулич».

Это значило, что Завойко и Окулич с наибольшим вероятием на успех могли приступить к решительным действиям между первым и пятнадцатым числами следующего месяца.

Известие это, прочитанное Зибером всем членам «Союза», было встречено общей радостью. Зибер заявил, что указанный срок чрезвычайно удобен и для французской группы «Союза» так как выступление премьер-министра Шарля Леду в Палате депутатов должно было состояться 10 числа следующего месяца, а выехавший в департамент Арденн президент предполагал вернуться 9-го числа того же месяца. Для торжественной встречи главы государства на Восточном вокзале парижский муниципалитет ассигновал крупную сумму. Так как возвращению президента, который ос-

матривал чудесно воскрешенную огромную часть страны, хотели придать характер национального торжества, предполагалось отметить это событие праздником и особой помпой. Около Восточного вокзала должны были соорудить огромные арки, павильоны. Президент, министры и маршалы Франции должны были обменяться взаимными поздравлениями и речами.

Именно здесь и должна была выступить Анна Годе, так как она легко могла затеряться среди толпы и приблизиться к павильонам и самому президенту.

Лор в своем докладе о результатах подготовки к убийству премьер-министра Шарля Леду заявил, что он с большими шансами на успех может выступить 10-го числа во время речи премьер-министра Франции в Палате депутатов. Доступ публики будет совершенно свободный. Лор, по его словам, был два раза в Палате депутатов. Он уверил «Союз», что несомненно сумеет занять самое ближайшее к премьеру место на трибунах для публики. С этого места террорист категорически обещал попасть в Леду с первого выстрела.

После Лора выступил Гронский, который сообщил, что 9-го числа на встрече президента будет присутствовать и генерал Жано — тот самый Жано, который принес так много вреда делу Колчака. Гронский вызвался совершить террористическую казнь генерала. После горячего спора предложение Гронского было принято и ему было поручено убийство генерала Жано.

* * *

После отъезда Веры, Лозин погрузился в какую-то странную духовную прострацию. Он по-прежнему ходил на заседания «Союза», говорил речи, писал доклады, работал много. Но все это делалось им без прежнего горячего увлечения, машинально, в каком-то рассеянном полусне. Часто на заседаниях и при встрече с другими членами органи-

зации он поражал своим странным видом, когда невпопад отвечал на задаваемые ему вопросы. Он стал раздражителен, вспыльчив. Несколько раз у него происходили стычки и ссоры с другими членами «Союза» и даже с самим Зибером. Последний догадывался о душевном состоянии Лозина и предвидел, что такие изменившиеся на личной почве отношения между ним и Лозиным могут повредить делу.

О былой откровенности между ними не было и поминна. В глазах Лозина Зибер читал теперь не преданность, а глухую ненависть и сдержанную ярость. Они встречались каждый день, как председатель и секретарь организации, обменивались впечатлениями по текущим делам и расходились. Встречи происходили, главным образом, в квартире Зибера; иногда на улицах, на бульварах, в кафе. Разговоры были отрывисты, коротки, оба не глядели друг на друга, но каждый понимал чувства и мысли другого и это давало все новую пищу народившемуся чувству раздражения и взаимной неприязни. Это чувство обострилось еще сильнее, когда Лозин среди груды почты, полученной Зибером, увидел два письма Веры из Риги. Ее почерк был настолько характерен, что ошибиться он не мог.

В свободное от дела время Лозин уходил к себе домой, в опустевшую квартирку на Монмартре и здесь с неудержимой силой овладевали им воспоминания о Вере. Все те оскорбления и обиды, которые она нанесла ему за последнее время, не оттолкнули его от Веры. Временами он совершенно забывал про ее измену. Во всем случившемся он обвинял исключительно Зибера. Мысль об измене жены казалась ему настолько ужасной, что он иногда хотел уверить себя, что между Зибером и Верой не могло ничего произойти, что все это плод его собственной фантазии, что все признания Веры вызваны тем, что он надоел ей своими сценами ревности. Но сейчас же им овладевали другие воспоминания, воспоминания о мелких, характерных сценках, отдельных словах, фразах, улыбках Веры, которые снова убеждали его, что между Верой и Зибером была связь...

В этих противоречивых заключениях, в борьбе оправдывающих и обвиняющих Веру предположений — в душе

Лозина народилась навязчивая идея: найти безусловное доказательство измены Веры. Ему казалось, что он сумеет найти это доказательство, если достанет письма Веры к Зиберу из Риги. В этих письмах он увидит правду об отношениях жены и Зибера... Он должен найти эти письма во что бы то ни стало, хотя бы ему пришлось перерыть всю квартиру Зибера, разгромить все, убить самого Зибера...

Лозин бывал почти каждый день на квартире у Зибера. Он знал приблизительно, где, с наибольшей вероятностью, могли быть письма Веры; он знал, что все секретные письма, бумаги и телеграммы Зибер прятал и замыкал на ключ в два верхних левых ящика письменного стола. Но, чтобы открыть их, нужны были ключи, нужно было, чтобы Зибер отсутствовал и чтобы его отсутствие продолжалось некоторое время, а между тем, Зибер никогда не оставлял Лозина одного в квартире. Время проходило, а Лозину не удавалось приступить к исполнению задуманного плана.

В одно из своих посещений, когда Зибер, сидя в стороне от письменного стола, читал принесенную Лозиным смету расходов «Союза», Лозину удалось с бесконечной осторожностью снять при помощи воска слепки с замочных скважин двух левых ящиков письменного стола. По этим слепкам он заказал ключи. Таким же путем ему удалось достать ключ и от входной двери квартиры Зибера. Но все это не изменило положения... Зибер по-прежнему не оставлял Лозина одного, а проникнуть в квартиру Зибера в его отсутствие, не зная, когда он вернется и рискуя быть пойманным, Лозин не решался. Оставалось ждать удобного случая, и Лозин ждал...

* * *

Подписавшись фамилией Лури и указав на бланке почтамта вымышленный адрес, Зибер отправил в Лондон следующую телеграмму:

«Артур Нокс Завойко Гайд-род 5 Лондон.

Прошу сделать перевод девятого десятого точка Париже числа одинаковы».

Итак, война Европе была объявлена! Еще несколько дней — и «Союз расплаты за Россию» должен был потрясти европейское спокойствие...

Глава 16

КРОВАВЫЙ ПРОЛОГ

Девятого числа Париж и, в особенности, те части его, которые прилегают к Восточному вокзалу, с раннего утра принял праздничный вид. Гигантский город был украшен национальными флагами, живой зеленью, плакатами всевозможных цветов, патриотическими надписями колоссальных размеров на фронтонах домов. Вдоль Страсбургского и Севастопольского бульваров, по которым должен был проследовать с Восточного вокзала после торжественной встречи президент, были устроены из зелени огромные арки самых причудливых, изящных и разнообразных форм. Многоэтажные дома сверху донизу были разукрашены гирляндами живых цветов, флагами и лентами. Всюду и везде глаз наткнулся на разноцветные, искусно сделанные надписи: «Да здравствует Франция!», «Да здравствует президент!», «Да здравствует армия!» и пр.

Вдоль бульваров, по направлению к вокзалу, шли несметные толпы веселых, возбужденных, разодетых парижан, украшенных ленточками национальных цветов. Улицы были затоплены десятками тысяч людей. Автобусное, автомобильное и экипажное движение прекратилось; пешеходное движение регулировалось усиленными нарядами полиции и конных жандармов. По направлению к вокзалу прошел батальон зуавов и два эскадрона кирасир для почетной встречи и сопровождения президента. Музыкантов и

зуавов забросали цветами. Толпа подпевала оркестру, возбужденная и наэлектризованная бравурной мелодией. Кое-где слышались устарелые парижские песенки, где остроумно и зло высмеивались по-прежнему «боши» и их поражение.

Париж снова торжествовал победу.

Против Восточного вокзала, в том месте, где Страсбургский бульвар, расширяясь, переходит в площадь, был раскинут огромный павильон, декорированный зеленью и флагами. В этом павильоне президент должен был произнести ответную речь на приветствие министров и маршалов Франции. Павильон был окружен батальоном зуавов. Сразу же за спинами солдат волновалось море голов, море шляп, шапок, цилиндров, кепи. Это море оглушало грохотом криков, замечаний, песенок, разговоров, перебранок. Конные жандармы и драгуны безуспешно старались отеснить толпу от линии караула. Их головы, как острова, маячили над толпой, которая расступалась под натиском лошадей и сейчас же снова смыкалась, когда жандарм перебирался на новое место.

Но вот волнение толпы достигло апогея; над вокзалом взвился сигнальный флаг. Подходил поезд президента. Общий гул встретил появление флага. Раздалась команда, зуавы вытянулись и замерли в правильных и стройных шеренгах.

* * *

Анна Годе стояла в первых рядах толпы, шагах в пятидесяти от павильона. Спокойными, внимательными глазами она в сотый раз измеряла это пустое пространство, которое должна была пробежать, чтобы приблизиться к своей жертве. Ей предстояло проскочить между двумя стоящими впереди нее солдатами и пробежать два-три десятка шагов, чтобы стрелять без риска промахнуться. Она была совершенно спокойна и чувствовала только страшную уста-

лость, так как пришла на площадь еще рано утром, чтобы занять самое выгодное место. В ее душе не было страха: она думала только о том, что должна сделать. Лишь на минуту, когда рослый, красивый жандарм на огромной лошади врезался в толпу с грозным криком «Назад!» — жуткая мысль заставила ее вздрогнуть: может быть, этот самый жандарм через два-три часа будет топтать ее своим конем и рубить саблей при криках озверевшей толпы. Но это было на минуту: мгновенная слабость сейчас же прошла.

Она внимательно смотрела на стоящих впереди нее солдат, выбирая двух из них, которых сумела бы оттолкнуть друг от друга. И она выбрала их. Одни был совсем мальчик, с чуть пробивающимися усиками и узкими плечами; второй — худой, загорелый, с ярко-рыжими, длинными усами, с неуклюжими и неловкими движениями деревенского парня. Годе, рассчитывая на свою силу, была уверена, что сумеет проскочить между ними и выбежать в пустое пространство между линией солдат и павильоном.

Недалеко от себя Годе увидела тщедушную фигурку Гронского. На его бледном, умном лице появилась и сразу же исчезла слабая приветливая улыбка... Годе послала ему глазами призыв к спокойствию и хладнокровию. Он серьезно посмотрел на нее и она прочла на его лице, что он понимает и вполне готов.

Заиграл оркестр и зуавы взяли на караул. От вокзала шла группа мужчин, одетых в черное и цилиндры; у некоторых через плечо были широкие ленты. Сзади следовали человек десять военных в ярких формах. Площадь, бульвар и дома разразились громом одного общего, неистового, восторженного крика: «Да здравствует президент!»

Годе увидела его лицо — бледное, взволнованное. Он снял цилиндр и приветливыми полупоклонами отвечал на море поднявшихся вверх рук, шляп, цилиндров. Годе почувствовала внезапный приступ страшной тошноты, слабости. У нее подкосились ноги и она наверное бы упала, если это было бы возможно в сдавивших ее объятиях толпы. Усилием воли она подавила это чувство, стиснула зубы и нервным движением незаметно проверила, хорошо ли вынимает-

ся браунинг, спрятанный в надетую на руку кожаную сумочку.

Кругом все стихло... Люди в черном и военные прошли в павильон. Кто-то говорил речь и толпа напирала на солдат, стараясь приблизиться и хоть что-нибудь разобрать в слабых звуках человеческого голоса в павильоне. После первого оратора говорил второй, третий... потом долго и быстро говорил свою речь президент. Громкоговорители передавали его речь по всему Парижу.

Под звуки марсельезы и крики толпы президент и сопровождавшие его вышли из павильона и медленно направились к арке при входе в Страсбургский бульвар. У арки стояли автомобили и эскадроны кирасир. Толпа расчистила для прохода широкий коридор.

«Пора!» — молнией сверкнуло в голове Анны Годе.

Она смотрела на приближающиеся к ней бледные пятна лиц и мелкая дрожь охватила ее с ног до головы. Она вложила в сумочку правую руку, взялась за рукоятку браунинга и, сдвинув предохранитель, — сильно, до боли, сжала револьвер. В это мгновение она услышала вправо от себя какое-то беспорядочное движение, испуганные крики, шум и, секунду спустя, три коротких револьверных выстрела. «Гронский!» — мелькнула мысль... и внезапным, сильным движением она толкнула солдат, вырвалась и бросилась вперед с криком: «Во имя республики! Пропустите!» Она на бегу выхватила револьвер и направила его на мелькнувшее впереди бледное, испуганное лицо президента... Кто-то бежал ей наперерез и она чувствовала, что этот человек в расшитом, блестящем мундире закроет от нее президента...

Тогда, прицелившись, она выстрелила в свою жертву — раз, другой, третий... впереди кто-то упал... толпа закрыла от нее упавшего... Она услышала сзади озлобленный крик... оглянулась... увидела того самого зуава с ярко-рыжими усами, которого толкнула, выскочив вперед... Он бежал к ней широкими, сильными прыжками, размахивая винтовкой. «Сейчас убьет», — появилась спокойная, равнодушная мысль... Зуав подбежал к ней и сильным ударом по руке выбил браун-

нинг. Солдат хотел схватить Годе, но, прежде чем он к ней прикоснулся, она потеряла сознание и упала на мостовую...

* * *

Зиббер нервно схватил поданный ему газетчиком экстренный листок. Огромными буквами в самом начале стояло:

**«ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ. УБИЙСТВО ГЕНЕРАЛОВ ЖАНО
И ГАНТЕРА».**

Дальше шло краткое сообщение о происшествии:

«Сегодня страшное событие потрясло Париж и Францию. Это событие имело место около Восточного вокзала, после встречи президента. Около 11 часов утра президент, министры и генералитет, окончив церемонию встречи и обмена речами, вышли из павильона и направились к автомобилям, окруженным эскортом. В это время из толпы выскочил какой-то человек. Прорвавшись сквозь ряды почетного караула, он подбежал к генералу республики Жано и в упор выпустил в него из револьвера три пули, которыми генерал был убит наповал. Шедший рядом с Жано генерал Доре выхватил саблю и зарубил злоумышленника насмерть.

Почти одновременно и почти из одного с первым злоумышленником места выскочила женщина, которая с револьвером в руке бросилась к президенту республики. Генерал Гантер, видевший это, бросился наперерез женщине, но прежде, чем он успел схватить ее, женщина открыла стрельбу. Первая пуля слегка задела левое плечо президента; две вторые пули попали в генерала Гантера, который закрыл президента своим телом. Толпа и солдаты обезоружили и схватили стрелявшую женщину, которая тут же упала без

сознания. Отряду зуавов с трудом удалось спасти преступницу от расправы озлобленной толпы.

Самоотверженный генерал Гантер, получивший две тяжелые раны в область живота, умер через 20 минут, не приходя в сознание.

Преступницу увезли в тюрьму Санте, где ее немедленно допросил прокурор республики. Она назвала себя Анной Зиминой и заявила, что покушалась на жизнь президента по приказанию русской коммунистической партии и что убитый злоумышленник был ее товарищем и действовал, руководясь, как и она, инструкциями из Москвы. При осмотре одежды убитого русского большевика найдены коммунистические прокламации и воззвания на французском языке. Подобные же документы найдены и у Зиминой. Здоровью президента не грозит абсолютно никакой опасности. Предполагают, что он сегодня же будет иметь важное совещание с премьер-министром, которому предстоит завтра выступить в Палате депутатов. Следствие о преступлениях ведется энергично. Подробности дадим в вечернем выпуске и завтра утром».

— Ну-с, начало сделано, — прошептал Зибер. — Правда, президент уцелел... ну, да неважно. Посмотрим, что получим завтра из Англии и что скажет нам завтра Лор...

Глава 17

УБИЙСТВО ЗА УБИЙСТВОМ

Но известие из Англии получилось в тот же день, 9-го. вечером. Около редакции газеты «Матен» Зибер увидел колоссальный плакат, перед которым стояла взволнованная и жестикулирующая толпа. Зибер подбежал к толпе, протиснулся вперед и прочел следующее сообщение:

«ЛОНДОН. ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА. РАДИО.

Сегодня около трех часов дня в Мэнсфильде (Ноттингэм) при выходе из вокзала убит неизвестным злоумышленником премьер-министр сэр Роберт Кларк».

Через полчаса были получены и появились на плакате следующим подробности:

«Сегодня в городе Мэнсфильде, около 4 часов дня, должно было состояться совещание премьер-министра и председателя союза углекопов Смита по вопросу о ликвидации забастовки в Ноттингеме и Дерби. Скорый поезд Лондон-Нью-Арк прибыл в Мэнсфильд в 3 часа 45 минут. На вокзале Роберт Кларк был встречен властями города и представителями федерации углекопов. Вся площадь перед вокзалом была запружена огромной толпой углекопов, взволнованно ждущей приезда премьер-министра и разрешения всех вопросов, связанных с забастовкой. Выйдя из вокзала, Роберт Кларк вошел в толпу, которая встретила премьер-министра гулом приветствий. Премьер обратился к углекопам с небольшой речью, в которой сказал, что надеется на благополучное разрешение рабочего кризиса в Ноттингеме и Дерби. В это время к премьер-министру приблизился какой-то хорошо одетый молодой человек, выхватил револьвер и с криком — “Лицемер и палач рабочего движения!” — начал стрелять в Кларка. Произошло общее смятение. Злоумышленник успел выпустить в премьер-министра пять пуль, которыми тот был убит. Когда толпа и полиция набросились на преступника, последний успел прострелить себе грудь и через пять минут скончался. На трупе Роберта Кларка обнаружены пять ран: две в области головы, две в области легких и одна на левом плече.

Покончивший самоубийством злоумышленник оказался русским коммунистом. В его карманах был найден документ на имя агента одесского ГПУ Евгения Павлова. Кроме этого документа, было найдено несколько прокламаций коммунистического характера и записка, в которой говорилось, что убийство английского премьера — месть русских коммунистов за угнетение британских рабочих.

По показаниям некоторых пассажиров скорого поезда, в котором прибыл Роберт Кларк, выясняется, что преступник, видимо, приехал в одном поезде с премьер-министром. Так, один полковник опознал в трупe преступника того самого пассажира, который поразил его, полковника, своим странным поведением и возбужденным видом в поезде.

Тело Кларка отправлено в Лондон, в котором объявлен общий национальный траур.

Подробности завтра утром».

* * *

На следующий день, 10-го, Париж с утра был затоплен миллионами листов, экстренных выпусков, плакатов, в которых сообщались новые ужасные, потрясающие сведения о террористических актах. С утра Париж кипел, как в котле. Толпы народа осаждали редакции газет, все население города высыпало на улицы и бульвары и горячо обсуждало происшествия. Кое-где произошли антикоммунистические демонстрации, редакции левых газет, несмотря на усилия полиции, были разгромлены. Опасались убийства вождей французского коммунизма. В город были введены войска, всюду ходили патрули. Утром было выпущено воззвание к населению города, призывающее к спокойствию и порядку. Утром же появилось правительственное сообщение, в котором говорилось, что, ввиду волнения в городе и возможности новых выступлений коммунистов и темных элементов, доступ публики на сегодняшнее заседание Палаты депутатов будет закрыт.

* * *

Зибер жадно прочел новое сообщение из Лондона.

«ЛОНДОН. РАДИО. 10-Е, 10 ЧАСОВ УТРА. Час тому назад убит министр иностранных дел, Генри Брайд.

ЛОНДОН. РАДИО. 10-Е, 12 ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ. Корреспондент “Матен” сообщает об убийстве министра иностранных дел Генри Брайда:

“Лондон не успел опомниться после известия о трагической смерти в Мэнсфильде, как новое убийство, совершенное сегодня утром в самом центре Лондона, опять взволновало город.

Около 9-ти часов утра по улице Виктории, по направлению к Букингемской улице, проезжал на автомобиле министр иностранных дел сэр Генри Брайд. Кроме министра и шофера, в автомобиле никого не было. Когда автомобиль стал медленным ходом поворачивать на Букингемскую улицу, его догнал другой автомобиль. Из этого автомобиля выскочил неизвестный человек, бросился вперед и двумя выстрелами из револьвера пробил задние шины автомобиля министра. Злоумышленник подбежал к остановившемуся автомобилю, вскочил на подножку и в упор начал стрелять в министра, который был убит наповал. Полисмены пытались схватить преступника, но он бросился к вокзалу Виктория, выбросив из кармана пальто несколько листов бумаги. Добежав до входа в вокзал, преступник обернулся к преследующим полисменам и стал стрелять в них. Завязалась перестрелка, в результате которой преступник был убит. Ранены один полисмен, две женщины и рабочий.

Голова сэра Генри Брайда, благодаря тому, что преступник стрелял в упор, была совершенно разможжена и покрыта сильными ожогами. Задержанный шофер автомобиля, на котором преступник нагнал министра, показал, что его наняли около министерства торговли и промышленности. Ему был указан автомобиль, от которого он должен был не отставать, но он, шофер, не знал, что этот автомобиль вез министра. Выброшенные преступником бумажки оказались прокламациями, аналогичными с коммунистическими прокламациями, найденными в карманах Евгения Павлова,

убийцы премьер-министра. В одной из бумаг стояла циничная подпись: «Генри Брайду — привет из Москвы». Фамилии убитого преступника установить пока не удалось, так как документов в его карманах не оказалось. Судя по некоторым записям на русском языке, сделанным в найденной у преступника книжке, убийца — русский. Есть предположения, что убийцы Кларка и Брайда имели связь с лидерами английской коммунистической партии»».

Глава 18

РЫЖИЙ ЛАТЫШ

В тот же день, 10-го, еще один удар потряс население Парижа. Около восьми часов вечера распространилось известие, что убит премьер-министр Франции. Уличные листки установили следующие подробности этого ужасного события:

«Сегодня с 2 часов дня в Палате депутатов, как известно, происходило заседание, во время которого премьер произнес большую речь о франко-германских отношениях. Заседание затянулось и закончилось только в 7.20 вечера. Премьер-министр и чиновник особых поручений при министерстве иностранных дел, господин Адольф Дюваль, вышли из здания Палаты депутатов на площадь Бурбон и пешком отправились к министерству иностранных дел. На этом коротком расстоянии и произошло ужасное несчастье. Все окружающие Палату депутатов улицы охранялись, ввиду некоторых событий в Париже, усиленными нарядами полиции и жандармов. Присутствовал даже префект полиции. Движение по улице было временно совершенно прекращено. Пропуски давались только служащим министерства. Тем не менее, неизвестный человек, одетый в форменное пальто и кепи рассыльного, показав полицейскому сержанту срочный пакет, адресованный в министерство, сумел пройти через цепь жандармов. Пройдя в здание министерства,

этот человек (по позднейшим показаниям) оставался там некоторое время. Он вышел только минут за пять до того, как премьер-министр и чиновник Дюваль показали в дверях Палаты депутатов. Он увидел их и направился к ним навстречу. Поравнявшись с ними, он поклонился, а когда они прошли, сейчас же повернулся, выхватил револьвер из кармана пальто и выстрелил четыре раза в премьер-министра, который упал мертвым. Дюваль пытался схватить злоумышленника, но последний, ударив чиновника по голове рукояткой револьвера, вырвался и бросился бежать. Во избежание несчастных случаев, полиция сначала не стреляла в преступника, но когда он выстрелом ранил одного сержанта, озлобленные полицейские и жандармы открыли по преступнику огонь и убили его.

Это страшное событие имеет несомненную связь с убийствами Роберта Кларка, Генри Брайда, Жано, Гантера и покушением на жизнь президента республики, так как погибший убийца премьера Франции оказался русским большевиком и в его карманах были найдены коммунистические прокламации.

Совершенно непонятным является то обстоятельство, что преступник знал приблизительно время, когда Шарль Леду выйдет из Палаты депутатов. Есть предположение, что, проникнув в министерство благодаря преступной небрежности нашей полиции, злоумышленник случайно слышал разговор по телефону привратника министерства с привратником Палаты депутатов — разговор, в котором второй предупреждал первого о выходе премьера Леду по направлению к министерству. За это предположение говорит то обстоятельство, что злоумышленник, войдя в министерство, видимо, спрятался за телефонной будкой, так как там была найдена потерянная им запасная обойма с патронами. По-видимому, преступник знал, что Леду придет в министерство и рассчитывая убить премьер-министра при входе в здание. Но потом, узнав из разговора привратников, что премьер пройдет по другому ходу, злоумышленник поспешил на улицу, где и произошла роковая встреча. Так говорит созданная полицией гипотеза.

Так это или не так, но никакое объяснение не вернет Франции потерянного сегодня навеки великого французского государственного мужа. Преступная рука русского коммуниста лишила государственный корабль Франции опытного и талантливого кормчего. Это злодеяние заставит, быть может, нас пожалеть, что до сих пор мы мало прислушивались к голосам русских патриотов, предупреждавших нас, что большевизм — не только русское явление, а мировая опасность».

* * *

— Позвольте, господа, поздравить вас с блестящим началом нашего дела! — громогласно объявил Зибер на очередном заседании «Союза расплаты за Россию». — Из четырех намеченных нами в 3. Европе лиц, трое пали жертвой нашей мести. Убиты также генералы Жано и Гантер...

Шумные аплодисменты прервали речь Зибера.

— Мы должны вспомнить... должны скорбно склонить головы перед погибшими нашими друзьями... Они честные и славные сыны России. Их имена — Гронский, Завойко, Окулич и Лор — будут вписаны в золотую книгу будущей свободной России... Почтим их память вставанием...

Все встали и торжественная тишина царила несколько минут.

— Нашему другу... нашей храброй Анне Годе грозит гильотина, — продолжал Зибер. — Никакие силы не спасут ее от законов и озлобленного общественного мнения Франции. Мы беспомощны, мы не можем помочь этой великой женщине. Мы можем только восхищаться ею и страдать. Я боюсь, что она погибла... Братский пламенный привет мужественной Анне Годе!

— Как были встречены, — после минутного молчания продолжал Зибер, — наши выпады в 3. Европе? Негодованием, возмущением, бурей гнева. В Париже толпа буквально безумствует. Многочисленные демонстрации продолжают-

ся все эти дни. Я видел плакаты с надписями: «Долой СССР», «Немедленная война СССР» и т.д. Редакции коммунистических газет разгромлены, депутаты-коммунисты избиты. В провинции царит страшное возмущение работой «большевиков». То же самое и в Англии. В Лондоне избит коммунистический лидер Мак-Кейль. Пресса буквально рычит от ярости, все громы и молнии сыпятся на СССР. Поставлена на ноги вся полиция. Идет тщательная проверка документов всех русских, идут обыски. Нам надо проявить сугубую осторожность. На некоторое время нам придется прекратить наши заседания. Правда, на весь четвертый этаж моя квартира является единственной населенной и на наши сборища пока не обращаюсь внимания, но... береженого и Бог бережет. Я думаю припрятать в верное место наше оружие и документы. По всем делам прошу обращаться к Лозину, как к секретарю. Если будет что-нибудь важное, он передаст мне.

* * *

Прибыв в Ригу, Малявин и Вера немедленно отправились по указанному Зибером адресу Старка и без труда нашли его дом. Это было старинное, мрачное, серое трехэтажное здание готической архитектуры, с цветными стеклами в длинных узких окнах, с башенками и гранитными львами при входе, — одним словом, одно из тех зданий, которые своей величиной и суровой красотой свидетельствуют о былом могуществе остзейских рыцарских орденов.

Иосиф Старк оказался под стать своему дому: угрюмый, флегматичный латыш, с рыжей бородой и усами, широкоплечий, могучий, с вечно торчащей изо рта огромной трубкой, с маленькими серо-стальными глазами. Он принял гостей в своем кабинете, сидя в огромном кожаном кресле. Из соседней комнаты доносился сдержанный гул голосов и стук многочисленных пишущих машинок; изредка при-

бегали клерки с бумагами на подпись. Старк подписывал, давал распоряжения, кричал. Потом, позвав какого-то молодого человека, он приказал ему никого не впускать в кабинет и закрыть двери. В кабинете остались трое: Старк, Малявин и Вера.

— Ну-с, — начал Старк, пробежав письмо Зибера. — Вы приехали из Парижа, вы — агенты моего приятеля Зибера, вы хотите ехать с моей делегацией в Москву, вы хотите получить латышские документы? Прекрасно: все будет устроено. Я кое-что уже подготовил, так как о вашем приезде был давно извещен Зибером. Я думаю выехать в Москву на следующей неделе. На днях я получу от советского посла все необходимые для проезда и нашей охраны документы. Так... Нам будет дан отдельный вагон. В Москве пробудем около двух недель. Вы хотите видеть предсовнаркома лично?

Чуть заметная усмешка тронула губы Старка.

— Да, лично, — ответил Малявин.

— Почему же вам так хочется увидеть его? — снова спросил латыш.

Малявин сказал заранее приготовленный еще с Зибером ответ. По его словам, Зибер хотел наладить импорт в СССР в колоссальном масштабе. Но, чтобы осуществить этот план. Зиберу были нужны неограниченные полномочия в СССР, право свободного передвижения, нужен был специальный поезд для разъездов и т. д. Все это, по соображениям Зибера, могли дать только предсовнарком и наркомвсоеморг, так как предвиделись поставки и для Красной Армии.

Старк был удовлетворен ответом.

— Хорошо. Все, что могу сделать, — сделаю. Что думает ввозить в СССР Зибер?

— Все, что угодно, — ответил Малявин, — от пуговицы до паровоза. Зибер обладает огромными связями и привлекает к делу английских, французских и немецких купцов. Он имеет довольно крупный капитал и кое-что уже заготовил. Дело обещает дать колоссальные доходы. Рига является удобным портом для ввоза в СССР товаров и продовольствия, а самым подходящим лицом для посредничества являетесь

вы. Таким образом, вы заработаете в короткий срок миллионы.

Старк усмехнулся.

— Ну, я — старый купец! Словами меня не прельстишь. Миллионы, конечно, вещь хорошая, но не думаю, чтобы предприятие Зибера выгорело. Есть масса затруднений, которых он, живя в Париже, не видит и не знает и которые вижу и знаю я, сидящий возле СССР. Впрочем, в Москве мы все это разберем. Вы имеете все необходимые проспекты, сметы, расчеты, каталоги?

— Да, имеем с собой.

— Прекрасно! Я просмотрю их по дороге в Москву. Где вы остановились?

— Пока нигде.

— Я дам вам две комнаты.

— Благодарим, но право...

— Никаких разговоров! Половина моего дома пустует. Комнаты вам приготовлены сразу по получении письма от Зибера. Мои отношения с Зибером не позволяют, чтобы его друзья жили где-то в гостинице. Если вы откажетесь — сочту за личную обиду.

Старк позвонил. Вошел угрюмый сутулый парень.

— Проводи гостей. Съезди на вокзал, получи и привези их вещи. Живо!

Малявин и Вера поблагодарили Старка и вышли за парнем.

Когда дверь за ними закрылась, Старк, выпустив из трубки клуб дыма, процедил сквозь зубы:

— Дураки...

Глава 19

СИНЯЯ ПАПКА

Все эти беспокойные дни Париж проводил время на бульварах, в садах, в скверах: к этому побуждала не только

хорошая погода, но и желание поговорить с приятелями о развернувшихся событиях. Всюду и везде разговор был об одном: о террористических актах русских большевиков.

В этот теплый вечер Лозин сидел на одной из скамеек парка Монсо и рассеянно слушал выкрики газетчиков о сенсационном процессе «Анны Зиминой» — Анны Годе.

В странном состоянии находилась душа Лозина. Все эти события последнего времени, которые раньше взволновали бы и обрадовали его, — теперь проходили мимо, оставляя в его душе лишь слабый, бледный осадок. Все мысли его были сосредоточены на одном — на Вере. На ее поездке, на ее отношениях с Зибером, на необходимости достать ее письма к Зиберу. Эта последняя мысль владела им по-прежнему день и ночь, владела с неудержимой силой, охватила все его существо.

Никакие доводы, никакие возражения не могли прогнать этой навязчивой идеи. Он с ужасом убеждался, что весь его патриотизм с потерей Веры исчез, как дым. Члены «Союза» спорили, волновались, строили планы спасения России, горячо обсуждали ближайшие свои действия. Лозина все это мало трогало, проходило мимо его сознания какими-то бледными, расплывчатыми, неясными картинками. И это равнодушие, это безразличие пугало и ужасало его. «Неужели я так пал, неужели я такой эгоист?» — с ужасом думал Лозин.

Он пытался бороться с этим мертвящим равнодушием ко всему, что не касалось Веры, пытался воскресить свою прежнюю страсть к подвигу, к жертве, пытался снова сознательно отдаться затеянному Зибером делу — и не мог. В одну из таких минут душевной борьбы, он обратился к Зиберу с просьбой назначить его, Лозина, на самое опасное, ответственное дело. Он умолял об этом, просил, как милости.

Зибер со странной усмешкой согласился и обещал исполнить просьбу Лозина при первом удобном случае. И Лозин успокоился. «Пойду, исполню это дело, меня убьют, — и кончатся мои мучения» — равнодушно думал он.

Лозин сидел в парке Монсо и мысли — безрадостные, безнадежные, тоскливые мысли — лезли в голову. Хотелось уйти хоть на минуту от этих дум, но вопли газетчиков о сенсационном процессе непрерывно напоминали о том, что Лозин пытался забыть. «Новый допрос Анны Зиминой!», «Упорное молчание террористки!». «Речь прокурора!», «Предполагаемое решение суда!» — все эти выкрики волновали, нервировали, напоминали...

Лозин позвонил газетчику и купил листок. Равнодушно и холодно читал молодой человек о том, что в другое время наполнило бы его душу преклонением и энтузиазмом:

«Несмотря на вопросы суда и сторон, подсудимая упорно молчит или заявляет, что ей больше нечего говорить. Как известно, все показания Зиминой на предварительном следствии отличались чрезвычайной краткостью и теперь прокуратура, надеявшаяся на суде вырвать у преступницы какое-нибудь указание на организацию террористов, на состав этой организации, не может ничего добиться у подсудимой. Вот те, наиболее существенные ответы, которые были даны подсудимой:

Председатель: Итак, вы признаетесь в том, что, с заранее обдуманном намерением и по предварительному соглашению с другими лицами, пытались убить президента Французской республики?

Подсудимая: Да, признаю.

Председатель: Кто ваши сообщники?

Подсудимая: Один из них — убитый около Восточного вокзала генералом Доре.

Пред.: Его фамилия?

Под.: Не помню... не знаю.

Пред.: А другие лица?

Под.: Их я не назову.

Пред.: Это была определенная организация?

Под.: Да.

Пред.: С какой целью она действовала и по чьим инструкциям?

Под.: Инструкции выработал Коминтерн. Целью было убийство ответственных политических деятелей 3. Европы,

чтобы тем самым способствовать мировой революции.

Пред.: Следовательно, убийства во Франции имеют связь с убийствами в Англии?

Под.: Да.

Пред.: Исчерпан ли этот список убийством Шарля Ле-ду, Жано, Роберта Кларка и других?

Под.: Нет, не исчерпан... (В зале сильное движение, негодующие голоса).

Пред.: Кто же должен пасть следующей жертвой вашей организации?

Под.: Не имею права сказать этого... У вас есть полиция для охраны.

Вот самые существенные ответы подсудимой. После этого она или молчала или говорила: “Я не знаю”, “Не помню”, “Этого не скажу” и т.д. Прокурор, выведенный из терпения упорством подсудимой, обратился к суду с ходатайством...»

— Лозин! Вот удачно! — прервал чтение листка чей-то голос.

Лозин поднял голову и увидел одного из членов «Союза» — Сухарева.

— Здравствуйте! — возбужденно сказал он. — У меня есть к вам важное дело. Я был у вас на квартире — не застал; обегал всех «наших» — вас нет. Отчаялся уже — и вдруг вижу вас. Дело в следующем...

Сухарев огляделся. Соседняя скамейка, занятая какой-то парочкой, стояла далеко — говорить можно было свободно.

— Дело в следующем. Капитан Николич только что узнал, что в Париж на днях приезжает одна из намеченных нами жертв — генерал Белле. Временно он будет жить в своем особняке в Аржантейле. Доступ к нему всегда очень прост. Лучших условий для приведения в исполнение нашего приговора трудно и желать. Капитан Николич рассказал мне это и просил разыскать вас и все вам передать, так как, по приказанию Зибера, к нему можно обращаться теперь только через вас. Необходимо или собрать общее заседание или назначить для убийства генерала Белле ко-

го-нибудь из нас властью председателя. Вот и все. Когда вы увидите Зиберу?

— Сейчас!... Немедленно! Я бегу к нему!... Я хочу, чтобы это дело поручили мне. Я буду просить этого, требовать! Мне обещано!

Не простившись с удивленным Сухаревым, Лозин вскочил со скамейки и побежал из парка.

* * *

Доехав на автобусе до Монмартра, где жил Зибер, Лозин бросился к квартире председателя «Союза». Взбежав без передышки на четвертый этаж, Лозин подошел к двери Зиберы. На ручке двери висел кусок картона, на котором было написано:

«Должен отлучиться по делам в Нейли. Буду в 9-10 вечера. Зибер».

Число на записке показывало, что она была написана сегодня. Лозин взглянул на часы: было 6.45. «Что делать? — думал Лозин. — Еще два-три часа до его прихода». Лозин решил ждать, гуляя по улице перед домом, где жил Зибер.

Лозин сходил по лестнице, когда в его голове огненной молнией сверкнула мысль: «Вот удобный случай! За два часа я сумею обыскать все его ящики. Я переверну все вверх дном, но найду письма Веры. Назад, назад!» И он снова взбежал по лестнице.

Подойдя к двери Зиберы, Лозин прислушался и огляделся. Но ничто не нарушало тишины: во всем четвертом этаже была занята только квартира Зиберы. Внизу слышались голоса, хлопали двери; здесь был полный покой. Лозин вынул из кармана ключ, вставил его в скважину, повернул. Замок открылся легко. Лозин оглянулся, потом открыл дверь, вошел и снова замкнул замок с внутренней стороны. После этого он прошел к окнам, плотно закрыл их портьерами, вернулся впотьмах к двери и только после всех этих пре-

досторожностей зажег электричество: теперь свет не был виден ни с улицы, ни из коридора.

Осмотрев комнату. Лозин бросился к письменному столу. Он без труда открыл поддельными ключами два крайних левых ящика стола. Сверху лежали браунинг и две обоймы. Он снял браунинг и обоймы с кипы папок и стал просматривать бумаги. Тут были телеграфные бланки, тетрадки, исписанные рукой Зиберы, попадались какие-то столбцы цифр, выкладки, сметы. Лозин оставлял все эти бумаги без внимания: он лихорадочно искал письма Веры, — то, ради чего он решился на преступление, на тайное посещение чужой квартиры, почти на воровство...

Он думал только о письмах Веры, но вдруг одна синяя папка поразила его: на ней было написано почерком Зиберы:

«Переписка с Москвой».

Лозин открыл папку. Лежали пронумерованные, тонкие, как папиросная бумага, шелковые полоски, исписанные правильными рядами цифр. Это было зашифрованное письмо. Здесь же был тщательно подклеен написанный рукой Зиберы дешифрованный текст письма. Первые же строчки так ошеломили Лозина, что он совершенно забыл о письмах Веры, забыл обо всем... у него закружилась голова и он принужден был сесть на стул. Буквы прыгали у него в глазах. Но постепенно он успокоился и стал внимательно читать письмо. Вот что в нем стояло:

Глава 20

ЧТО ПИСАЛ ЗИБЕРУ КОМИНТЕРН

Дорогой товарищ!

С чувством веры в Ваш талант и необыкновенные способности, приступаю к этому письму.

Вы столько раз доказывали свою горячую преданность III Интернационалу, столько раз просили о поручении Вам какого-нибудь чрезвычайного, особо важного дела, что молебны Ваши, наконец, услышаны и, по моему ходатайству, решено было обратиться к Вам и дать Вам задачу, от решения которой, быть может, зависит существование СССР и судьба мировой революции. Вы видите, какое доверие питает к Вам Коминтерн. Обо мне говорить, конечно, не приходится: в моем распоряжении нет ни одного такого способного и талантливого агента, как Вы. Это мое искреннее убеждение.

Прежде, чем изложить, в чем заключается поручаемая Вам задача, позволю себе сообщить о тех выводах, к которым мы пришли за последнее время.

Советская власть укрепилась на всей территории Союза и даже наши враги признают, что нужно бросить всякие попытки свергнуть нас вооруженной рукой. Безмятежный мир царит по всей стране. Не кроется ли в этом для нас опасность, не вырождаются ли, не рассеются ли бойцы за нас? Не кроется ли для нас опасность в том, что мы слишком уступаем мировой буржуазии — ради договоров, ради признания нас, ради экономики? Нет ли опасности и в том, что перед всем миром мы вдруг превратились из волка в кроткого ягненка? Да, в этом опасность есть, так как нас перестают бояться, наш авторитет перед рабочими всего мира падает, нам предсказывают переход к буржуазному строю, над нашими мечтами о мировой коммуне смеются. Смеются и над нашим демпингом и над нашей пятилеткой. Опасность в том, что наше влияние на рабочих всего мира ослабевает, что нас начинают считать бессильными провести свое учение в жизнь. Необходимо сразу, одним ударом восстановить наше значение и, вместе с тем, раздавить буржуазию всего мира. Мы усыпили ее бдительность, она спит и тешит себя такими игрушками, как фашизм. *Мы разбудим ее.*

Да, Зибер, час пробил: мы достаточно подготовлены и идем в Европу, чтобы сказать свое слово! Идем с железом в руках и, если нужно будет, — освещенные пожарами, со-

проводимые резней и гулом пушек... Мы ставим на карту все и ради высшей цели двинем наш народ на европейскую цивилизацию. Мы снова бросим в толпу тот лозунг, который дал нам власть: «Да здравствует гражданская война во всем мире!» Мы скажем России: «В Европе — еда, одежда, богатства» — и за нами ринутся миллионы русских крестьян. Мы играем ва-банк: если мы победим и вызовем социальную революцию во всем мире — мы торжествуем и достигаем своей цели; если нас победят — погибнем мы, вожди, но дело коммунизма не погибнет и его торжество будет лишь отсрочено. Игра опасна только для нас, вождей, но на то и борьба, чтобы был риск. Мы пришли перестроить мир — что наша жизнь в сравнении с этой задачей?

Но у нас много шансов выиграть эту гигантскую борьбу. У нас тайное соглашение с Германией. У нас соглашение с Италией, к нам примкнули Австрия, Венгрия, Болгария, Турция, может быть, Греция. Как видите, у нас есть, что противопоставить французской союзной системе — Франция, Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия.

Самое ценное для нас — помощь великой Германии.

Подавленная Версальским договором, разбитая, униженная и ограбленная Антантой, Германия не может не мечтать о реванше или хотя бы только об освобождении от цепей, в которые ее заковали союзники. Увы... не будет преувеличением сказать, что весь германский народ — от монархического дворянства и самого правого фашиста до... самого левого коммуниста — предпочел бы старый, дореволюционный строй настоящему строю — свидетелю позора и унижения государства. Одно время мы были уверены, что сумеем в короткий срок установить коммунистический строй в Германии. Но мы ошиблись. Ни дворянство, ни военные, ни крепкоголовое, консервативное крестьянство не пошли за нами. Они считали, что гражданская война разъединит, распылит Германию вместо того, чтобы укрепить и сковать ее в годы национального унижения. Начался обший национальный подъем. Появились фашисты, националисты, Гитлер, «Стальной Шлем». Это движение охватило народную толщу страны.

И вот мы хотим использовать *именно этот национализм*. Явное желание Франции ограбить Германию — создало общегерманскую платформу отпора французскому шовинизму. Германцы видят перед собою грубо-надменного врага, желающего до конца использовать победу, достигнутую чужими руками. А мы говорим немцам: «Что мешает вам пойти с нами? Мы хотим провести в 3. Европе социальную революцию, вы хотите сбросить иго Антанты — будем действовать вместе». И они согласны, Зибер, они согласны!

Достаточно ли мы готовы к войне и насколько подготовлена 3. Европа к встрече Красной Армии?

Современная война — война машин. Но было бы глубокой ошибкой думать, что машина — все. Важнее дух человеческий, — то, что движет машину и дает ей жизнь. Нет настроения воевать — и человек не оживит машины, она не будет разить врага. Это — основной закон войны. Отчасти на этом мы строим свои планы. Вероятно, технически мы слабее французской армии, но кто знает, как встретит нас французский крестьянин и рабочий, одетый в серо-голубую шинель? Не повернет ли он танк и пушку в обратную сторону — в сторону своей буржуазии? Не дрогнет ли его сердце, когда он увидит впереди наших цепей и танков красный флаг коммунара и услышит марсельезу?

Но не думайте, что технически мы намного слабее французов. Мы имеем миллионы вполне обученных солдат, мы имеем генеральный штаб, образованный, тонкий, не скованный старой, вековой рутиной, мы имеем колоссальные запасы артиллерии, снарядов. Мы имеем аэропланы, танки, автомобили, броневики, мотоциклы, газовые аппараты. С помощью германцев на своих заводах мы приготовили немало технических сюрпризов.

А германская армия? Озлобленные, оскорбленные, измученные германцы, — разве они не бросятся на своего угнетателя, как дикий зверь, разве, одушевленные нашей поддержкой, они не сделают чудес и не воскресят своей былой мощи? Пусть у них будут другие задачи, — нам важен их порыв, их злоба, их желание мстить. И с НИМИ мы победим!

В целях мировой революции мы не можем ограничиться нападением на Францию и ее союзниц. Мы ставим себе более широкие задачи. Мы ставим, действительно, ва-банк. Мы поведем одновременно наступление в Европе и в Индии. Мы сразу бросим два миллиона людей через Польшу во Фракцию; 500.000 человек на Румынию и 200.000 солдат в Индию. Если будет нужно, мы бросим еще миллионы людей.

Далекий наш тыл — Дальний Восток — обеспечен. Ценой уступок (пусть тяжелых, но необходимых для нас уступок) мы укрепили нашу безопасность с этой стороны и развязали себе руки на Западе.

Теперь перейду к изложению той задачи, которую решено дать Вам.

Самые сильные страны, с которыми нам придется вести вооруженную борьбу, — это, конечно, Франция и Англия, т. е. как раз те государства, в которых вы ведете пропаганду и разведку. На эти государства мы должны обратить особое внимание. Достаточно ли они распропагандированы, чтобы встретить наши войска без сильного сопротивления? Из всех Ваших сводок о З. Европе мы выводим заключение, что сопротивление будет, но мы предполагаем, что оно не будет сильно, если рабочие и крестьянские массы достаточно прониклись коммунистическим духом.

Повторяю, что мне хотелось бы получить на этот счет Ваше письменное мнение.

Так или иначе, но мы должны использовать все средства, чтобы вызвать в З. Европе национальные, партийные и рабочие волнения и тем ослабить интенсивность защиты против нашего вторжения. И прежде всего нам нужно убрать с дороги буржуазных вождей, которые являются самым сильным сдерживающим началом среди рабочих, социальных и экономических бурь.

Рабочее движение в Англии не проходило бы так безрезультатно, если бы не изворотливость, гибкость и необыкновенная мудрость политики премьера и его правительства, и если бы не умение премьера вовремя открывать предохранительные клапаны кипящего революционного котла.

Премьер — талантливый вождь английской буржуазии, ее оплот, сила и мозг.

Другой, не менее талантливый вождь З. Европы — французский премьер Шарль Леду. Его талантливость и мудрость проявляются в умиротворяющей политике по отношению к Германии. Вопреки желанию французских шовинистов, он не хочет добивать разбитую, лежащую Германию. В этом — необыкновенная мудрость Леду и в этом — крупное препятствие нашим планам. Чтобы вызвать взрыв сильнейшего национального возмущения в Германии, чтобы Германия, закрыв глаза, пошла за нами — нам выгоднее, чтобы французы как можно сильнее давили Германию.

Вы, конечно, понимаете, к чему я клоню? *Нам нужно убрать этих людей:* они препятствуют нашим планам. Эту задачу я поручаю Вам.

Полный список Ваших будущих жертв я пришлю Вам позднее, когда он будет составлен и согласован с германским штабом. Вы понимаете, как важно для нас благополучное решение поставленной Вам задачи. Мы должны распылить и ослабить западноевропейскую буржуазию, лишить ее наиболее сильных вождей, и, наоборот, усилить, следовательно, революционное движение и позиции рабочих партий.

Я изложил Вам самое существенное, что Вы должны сделать. Но это не все.

В настоящее время Коминтерн с тревогой и беспокойством замечает, что за границей начинает снова усиливаться влияние русских антибольшевиков. Происходит в широких размерах организационная работа, контрреволюционеры начинают сковываться и снова концентрировать свои силы во всевозможных комитетах, союзах, обществах и т.д. Во всех этих комитетах, союзах и съездах работают наши самые злейшие и самые талантливые враги. Они создают серьезную угрозу успеху нашей пропаганды и наших будущих планов. Они умело пользуются всеми слабыми сторонами нашего строя, чтобы вредить нам везде и всюду в общественном мнении З. Европы. К ним прислушиваются и не только буржуазия, но кое-где и рабочие массы, что может

принести нам колоссальный вред. Необходимо ликвидировать работу русских эмигрантов — чем скорее, тем лучше. Необходимо, чтобы эти действия были быстры, верны, решительны. Как и что нужно сделать, — предоставляю судить Вам. Употребите все усилия, все средства, чтобы лишить русских эмигрантов доверия и авторитета, не стесняйтесь ничем.

Одновременно с письмом Вам вручат 50.000 долларов. Разумеется, мы переведем в дальнейшем, сколько понадобится. Вы должны будете установить тесную связь с тайным агентом германского штаба во Франции, Ротвальдом. Его парижский адрес сообщит Вам тот, кто передаст Вам это письмо.

Ну вот, как будто все. Итак, дорогой товарищ и помощник, приступайте к делу. Помните, что от Вас зависит многое; помните, что за Вашей спиной незримо стоит весь СССР и будущее всего мира. Помните, что в случае Вашего успеха, освобожденный мировой пролетариат не изгладит из своей памяти Вашего имени. За дело, товарищ!

С коммунистическим приветом
С. Т. У.

Глава 21

ГЕНИАЛЬНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Лозин сидел, неподвижным и диким взглядом уставившись на эту подпись — на эти три буквы, скрепившие гибель всех надежд «Союза расплаты за Россию». Вокруг было тихо, но Лозин слышал гул и топот миллиона красных солдат, ворвавшихся в Европу; он слышал треск рухнувших государств, он видел гибель культуры и слышал дьявольский хохот торжествующего красного Хама...

Машинально Лозин перевернул страницу и глаза его остановились на надписи красными чернилами, сделанной рукой Зибера: «Ответ товарищу С. Т. У.» Лозин перевернул еще одну страницу и стал читать черновик письма:

Дорогой товарищ!

Я уже сообщил Вам о том, что немедленно, по получении Вашего письма, приступил к решению заданной мне задачи. Теперь я могу с глубоким удовлетворением сообщить, что моя работа дает свои результаты. Могу гордо сообщить, что это был адский труд: я должен был собрать все силы своей души, весь энтузиазм, вызванный Вашим письмом, все свое хладнокровие, чтобы, лавируя среди опасностей, добиться успешного начала порученного мне дела. Вы будете поражены, когда узнаете, кто состоит моими помощниками, кто содействует великому плану пролетарского завоевания Европы и Востока.

Прочитав Ваше письмо, я долго над ним думал. Сознаюсь откровенно, сначала задача мне показалась чрезмерно трудной. Но, как всегда бывает в таких положениях, пустой случай навел меня на правильное решение вопроса. Дело в следующем.

Как Вы знаете из моих неоднократных донесений, о моей тайной работе в Париже никто ничего не подозревает. Напротив, я сумел составить себе имя в эмигрантских кругах своей непримиримостью по отношению к СССР и политической* деятельностью в среде эмигрантского мира. Я завязал здесь большие связи.

Среди моих парижских знакомых есть один журналист, некий Лозин. Если бы не его непримиримость по отношению к Советам и если бы не его типичное буржуазное воспитание со всеми мещанскими предрассудками и упрямым консерватизмом — я охотно взял бы его в свои агенты. Но это невозможно. Он ненавидит большевиков. Он ненавидит и всех тех иностранцев, кто, так или иначе, подает нам руку помощи. Именно последнее обстоятельство и натолкнуло

* Слово неразборчиво.

меня на мысль, как приступить к решению нашей задачи. Я подумал: «Почему бы не воспользоваться услугами антибольшевиков? Почему бы не организовать среди них террористической группы, которая, имея перед собой данные ей мною ложные задачи и цели, способствовала бы их нашим планам?»

Я остановился на этой мысли и принялся за ее осуществление. Не больше, как через неделю, я убедился, что моя мысль чрезвычайно удачна, так как я сумел легко подготовить почву в сердцах целой группы эмигрантов, главным образом, бывших офицеров. Играя на их патриотизме, на ненависти к СССР, я сумел их убедить, что, соединившись в крепкую организацию, мы можем сделать многое, убить советских вождей, убить западноевропейских деятелей, которые помогают большевикам своей политикой, заставить думать, что эти убийства совершены коммунистами, благодаря чему 3. Европа изменит отношение к СССР и т. д. и т. д. Они попались на мою удочку — и организация была создана. Легко заметить, какие выгоды дает такое положение дел.

Я уверен в моих людях, я знаю, что эти люди сделают свое дело — и сделают хорошо. Теперь представьте себе, что после совершения нужных нам убийств я, на основании имеющихся у меня точных данных, на основании документов, устанавливающих цели союза, его состав, намерения, организацию предшествовавших убийств, на основании протоколов заседаний и т.д. — открываю эти данные в анонимных письмах на имя правительств и полиции Англии и Франции. Я прилагаю подлинные документы, адреса убийц и их помощников, открываю, что вся организация — дело рук *антибольшевиков*, открываю их провокационный замысел. Вы представляете себе, какой взрыв негодования, злобы и мстительности среди одураченной европейской массы вызовут эти разоблачения? Вы понимаете, какие гонения начнутся на антибольшевистские организации после этого?

Всякое влияние эмигрантов на западноевропейское мнение абсолютно исчезнет, все их организации рухнут. Это ничего, что на некоторое время, до моих разоблачений, изме-

нится отношение к нам: чем сильнее будет возмущение против нас, тем сильнее будет реакция, тем с большей силой набросятся потом на русских эмигрантов. Расчет верен, безусловно верен. Я убиваю одним ударом двух зайцев: мы добиваемся исчезновения вредных для нас западноевропейских деятелей и всякого влияния русских белогвардейских элементов. Пикантность всего этого заключается в том, что все нужное нам будет сделано руками наших врагов.

Вы понимаете, что мне пришлось сделать своей организации некоторые уступки. Мы решили убить некоторых наших вождей — да простят мне это! Я основательно одурачил своих молодых людей и для убийства наших товарищей едут двое моих «подчиненных» — Вера Лозина и бывший офицер Малявин. Их встретит в Риге мой агент, Янсон, которого я рекомендовал этим двум легкомысленным людям, как латышского торгового делегата Старка, едущего в СССР. Я очень прошу, чтобы пощадили Веру Лозину. В чем дело — я объясню при встрече с Вами.

Вот, дорогой товарищ, мой план. В первую очередь будут убиты те люди, список которых я получил от Вас и из германского штаба. Все необходимые подробности я пришло со следующей оказией. Сейчас же после своих разоблачений я уеду отсюда в Москву, так как здесь будет слишком опасно. Следовательно, скоро увижу Вас, дорогой товарищ, и вместе с Вами буду присутствовать при торжестве мирового пролетариата.

С коммунистическим приветом
Зибер.

Глава 22

ПОБЕЖДЕННЫЙ НЕ ПРОСИТ ПОЩАДЫ

Лозин прочел письмо и закрыл папку: другие бумаги его не интересовали, так как теперь он знал и понял все.

Он чувствовал, как какая-то мертвящая пустота вошла в него: все погибло, все рухнуло... «Союз расплаты за Россию» обманут, подлю обманут! Лучшими чувствами, лучшими помышлениями воспользовались, чтобы восторжествовало то, что они все ненавидели и против чего боролись...

А по отношению к нему, к Лозину?... Самые чистые порывы его души изливались перед человеком, который изображал на своем лице сочувствие, а в душе цинично и нагло смеялся над глупостью и неосторожностью своего врага.

Но какое лицемерие, какая талантливая игра! Суметь подчинить своей воле волю десятков людей, суметь сделать этих людей своими рабами, пешками, суметь сковать их тело и душу лживыми в душе, но такими искренними на губах, захватывающими, горячими словами. Какое адское хладнокровие, какая сила воли, какое умение владеть собой и каждым мускулом своего лица, каждым своим движением!

И, несмотря на охватившую душу ненависть и жажду мести, Лозин не мог побороть невольного чувства восхищения перед талантливостью своего так неожиданно разоблаченного врага. Лозин чувствовал к Зиберу презрение, гадливость, как можно чувствовать презрение и гадливость к пауку, коварно завладевшему своей жертвой. Но он и восхищался Зибером, как можно восхищаться тем же пауком, искусно соткавшим прелестную, тончайшую паутину.

И вдруг новая мысль, мысль о забытом в первую минуту возбуждения, об исчезнувшем под наплывом горячих чувств, — мысль о Вере, — заставила вздрогнуть Лозина: Вера падет жертвой гнусного предательства Зибера!.. Он вспомнил одну фразу письма Зибера: «Я очень прошу, чтобы пощадили Веру Лозину». Он, Зибер, который послал ее на смерть, он смиренно просил об ее помиловании, он «объяснит, в чем дело, при встрече»!.. Что он объяснит? Ах, это так понятно! Рассказать этому таинственному С.Т.У. о веселой интрижке с чужой женой, похвастаться своей победой над глупой женщиной, которая повисла на шее, навязала себя! Почему бы и не попросить об ее помиловании? Ведь она может пригодиться там, в Москве... зачем ее уби-

вать?

Яростная, ослепившая глаза знойным, красным туманом злоба овладела Лозиным... Он схватил со стола браунинг, сунул в него обойму, потушил электричество, сел у двери и стал ждать Зибера.

* * *

На лестнице послышались шаги — знакомые, твердые, спокойные шаги. Лозин замер, притаился... Шаги остановились у двери и сейчас же послышался резкий звук вставляемого в скважину ключа. Дверь открылась и в полосе света, упавшей из коридора, показалась уродливая тень высокой фигуры. Зибер прошел на середину комнаты, повернул выключатель висячей лампы — и с хриплым возгласом удивления и испуга отскочил назад.

— Лозин! Вы здесь! Как вы сюда попали?

Лозин молчал и внимательно следил за выражением лица Зибера. Тень беспокойства и тревоги мелькнула на этом лице. Зибер осмотрел комнату, глаза его остановились на открытых ящиках стола, разбросанных бумагах; он сделал шаг к столу, посмотрел еще раз и... все понял... Он бросился к двери, но Лозин показал ему браунинг и заставил Зибера отойти на середину комнаты.

— Вы отсюда не уйдете, подлец и провокатор! — медленно проговорил Лозин.

Зибер деланно рассмеялся.

— Я вижу, моя игра бита, — сказал он дрогнувшим голосом. — Но вы должны признать, что она бита не вашим умом, а моей неосторожностью. Я все никак не мог собраться уничтожить эти глупые бумаги.

Он взял кресло, повернул его к Лозину и удобно уселся.

— Я думаю. — сказал он, — что наша беседа будет долгой и... едва ли приятной. Вы имеете ко мне какие-нибудь вопросы? Впрочем, ответьте сначала, как вы сюда попали и какого черта вы тут делали?

— Да, — пробормотал Лозин, оставив без ответа вопрос Зибера, — наша беседа будет долгой, а для вас она будет, вероятно, последней...

— Как драматично! — усмехнулся Зибер. — Нельзя ли ближе к делу: я не люблю громких фраз. Я начинаю понимать, как вы сюда попали. Вы пришли за письмами... вашей жены... открыли дверь и ящики отмычками, потом случайно наткнулись на папку и...

— ...и все понял, — перебил Лозин. — Понял вашу подлую, провокаторскую затею, понял, как гнусно и мерзко вы обманули нас, понял, что вы погубили нас! Какой вы негодяй! Вы воспользовались низкой провокацией, чтобы создать нашими руками благоприятную обстановку для кровавого похода на Европу орды пьяных, разнузданных разбойников...

— Не оскорбляйте Красной Армии! — насмешливо перебил Зибер. — Что же касается моего поведения, то я иначе вести себя не мог: такова борьба... Ведь вот вы нашли же возможным признать провокацию приемлемым способом борьбы против большевиков. Почему же вы не признаете права большевиков прибегнуть к тому же оружию? Почему, когда вы избираете низкий способ борьбы — это патриотично, красиво и т.д., а когда к этому же способу прибегаю я — представитель большевиков, — это подло, гнусно и т. д.? Согласитесь, это нелогично!

Лозина раздражало спокойствие Зибера. Он ожидал сопротивления, угроз, оправданий, — но этого не было. Зибер сразу все сообразил, учел и, по-видимому, не нашел нужным оправдываться. Он овладел собой очень быстро и минутное проявление страха на его лице заменилось обычной иронической усмешечкой.

— Так, — продолжал он, — все зависит от угла зрения, под каким мы будем смотреть на данный вопрос. Вы считаете, что имеете право делать то, чего не имею права делать я. Я же думаю, что и вы и я вольны делать все, что нам угодно. Вы думаете, что можете действовать провокацией в целях гибели коммунизма; я думаю, что могу прибегнуть к тому же в целях его торжества. Я не стою на вашей точке

зрения, так как это — точка зрения первобытного дикаря, который находит, что все, что он делает — хорошо; все, что делает другой — плохо. Вы не можете отрицать, что я последователен и логичен. И вот, на основании этой логики, я ничуть не подлее вас. Мы равные величины. Мы боролись равным оружием; вы ненавидите коммунизм, я — все, что мешает ему захватить мир. Но я оказался хитрее вас, я провел вас, я не виноват, что вы глупы и верите каждому встречному. Ведь вы меня абсолютно не знали и не поинтересовались узнать, кто я, а, между тем, очертя голову, бросились за мной на смерть. Кто же виноват — я или вы?

— Да, правда, — сказал Лозин. — Я виноват, должен признать это. Это будет мне уроком на всю жизнь. В ваших словах много логики, или, вернее, была бы логика, если бы я мог признать, что большевики это люди, что они достойные, честные враги. Но они — бешеные собаки, ядовитые змеи, которых нужно убивать всеми возможными средствами...

— Опять логика дикаря! — ответил Зибер. — Где то мерило, которое может определить, достойные или недостойные враги большевики? В вас, Лозин, говорит не разум, а чувство, ваша ненависть к большевикам. Я не согласен с вами. Вы не можете обвинить меня в неправильной игре, потому что я знаю, что играл законно и бил вас вашим же оружием. Вы говорите не то, вы должны сказать: «Я проиграл первую игру, вы провели меня и победили. Но вторую игру выиграл я, я поймал вас, вы в моей власти и, если вы смеялись, когда вы выиграли первую игру, то теперь, когда вы побиты, смеюсь я». Вот как вы должны говорить. Это будет правильно и логично. Наша борьба — жестокая борьба, без милости, без пощады, без пленных, борьба на смерть и рассуждать при этой борьбе можно только так, как рассуждаю я. Все же ваши разглагольствования о подлости, низости и т.д. годятся лишь для сентиментальных романов. Я проиграл — и я готов заплатить за проигрыш даже своей жизнью, так как наша игра не рыцарский турнир из-за дамы сердца, а жестокая, тяжелая борьба за существование, беспощадная борьба за торжество одного из двух начал —

рабства или свободы, борьба двух миров. Я хочу напомнить вам один чрезвычайно яркий пример этой борьбы. Это было при наступлении армии Деникина, в одном из южных городов. Наш отряд вошел в город и озлобленные красноармейцы стали избивать население. Они ловили людей на улице и смотрели на их ладони. Если на ладонях не было мозолей, — их обладателей ставили к стенке и расстреливали. Потом обстоятельства изменились. Нас отогнали и в этот город вступили казаки. Узнав о том, что проделывали здесь красные, казаки поступили точно так же — лишь с той разницей, что ставили к стене людей, у которых на ладонях были мозоли. Вот и все — просто, неправда ли? Наше положение аналогично. Если бы победил я — я не пощадил бы вас. Впрочем, ближе к делу. Вы победитель — каковы ваши условия?

— Ваша презренная жизнь!

— Браво! Вы сразу подошли к делу! Судя по вашему лицу и украденному у меня браунингу, моя жизнь еще никогда не висела на таком тонком волоске, как сейчас... И это все?

— Нет, не все... Я хочу узнать, что вы предприняли, чтобы выдать нашу организацию. По вашему лицу я вижу, что вы довели это гнусное дело до конца. Так ли это?

— Вы не ошиблись. Я только что отправил по почте в полицейские управления Парижа и Лондона все необходимые документы о нашей организации. Я получил из Москвы сообщение, что дальнейший террор не нужен, что можно сделать разоблачения и возвращаться в Москву, так как военные действия скоро начнутся. Я предполагал сегодня же уехать и думал, что прежде, чем мои бумаги попадут в полицию, я буду в безопасности в Германии. Я имею билет на ночной экспресс в Германию.

— Дайте билет мне: я поеду вместо вас.

— Вы? Куда вы поедете?

— Давайте билет!

Зибер достал билет и отдал его Лозину.

— Я не понимаю... — начал было Зибер.

— Потом поймете, — перебил Лозин. — Скажите мне, что

может спасти мою жену?

Зибер подумал.

— Я думаю, что ее не расстреляют, — серьезно сказал он. — Не знаю, где она сейчас. Я думаю, что она и Малявин уже выехали с Янсоном в Москву и, вероятно, арестованы на первой же станции. Если мое ходатайство принято во внимание, то она жива. Но... ручаться не могу. Если бы я сейчас поехал и успел прибыть до ареста, — я сумел бы ее отстоять. Но ведь вы меня не пустите...

— Да, я вас не пущу, — ответил тот. — Если бы я вам верил, я поехал бы с вами. Но вы сами сказали, что наша борьба беспощадна; у меня нет гарантий, что меня не арестуют и не убьют по вашему доносу на советской границе. У меня другой план. Поеду я, снабженный вашими рекомендациями. Вы напишете мне все необходимые документы.

— Вы слишком самоуверенны, — сказал Зибер. — Почему вы думаете, что я вам дам такие документы? Пользуясь ими, вы можете сделать какой-нибудь ход в нашей игре: убить, например, командующего армией... Нет, таких бумаг я вам не напишу...

— Не напишете? — с угрозой в голосе сказал Лозин, сжав в руке браунинг.

— Не будьте ребенком! — спокойно улыбнулся Зибер. — Вы знаете, что я ваших угроз не боюсь. То, что я должен был сделать, — я сделал. Я подготовил то, о чем меня просил Коминтерн. Теперь я могу умереть...

Глава 23

ДЛЯ ЧЕГО МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ ЗАЖИГАЛКА

— А если я помешаю планам ваших безумных богов? — воскликнул Лозин. — Что, если я сейчас же пойду и заявлю

о той опасности, которая угрожает миру, раскрою то, что вы задумали, расскажу обо всем?

— Вам никто не поверит... У вас нет доказательств. Вас посадят в полицию за пьянство или, в худшем случае, и сумасшедший дом. Кроме того, не забудьте, что вас завтра же вечером будут разыскивать и арестуют, так как я указал на ваше участие в «Союзе», ваш адрес и приметы. Каждый час приближает вас к аресту. Вам нужно скрыться, а не идти самому к своей гибели.

— Ну, а если я пожертвую собой и все-таки открою ваши планы полиции? Вы забываете, что доказательства у меня есть: ваши письма и письмо Коминтерна.

Зибер внимательно посмотрел на стол, где лежала раскрытая панка с бумагами.

— Едва ли эти бумаги кого-нибудь заинтересуют. Их примут за бред сумасшедшего. В Европе нас давно перестали бояться.

Он небрежно вынул портсигар и бензиновую зажигалку и приготовился закурить. Внизу, на лестнице, послышались приближающиеся шаги. Зибер прислушался, потом сказал Лозину:

— Вы не находите, что наша беседа может обратить на себя случайное внимание? Дверь открыта, вы сидите с револьвером в руке. Немного странно для... дружеского разговора, не правда ли?

В его глазах Лозин увидел под легкой насмешкой какую-то тайную, настороженную мысль. Лозин растерянно оглянулся. Дверь была открыта настежь и он только теперь вспомнил, что забыл ее закрыть после прихода Зибера. Он встал и, вынимая на ходу ключ, направился к двери. Прикрыв дверь, он услышал сзади быстрый, мягкий прыжок и шуршание бумаг. Лозин обернулся... и бросился к столу. Но прежде, чем он успел оттолкнуть Зибера, свесившиеся со стола, подожженные и облитые бензином бумаги и шелковые полоски вспыхнули ярким огнем и разлетелись по комнате. Он успел спасти только два-три обгорелых листка.

Зибер удовлетворенно рассмеялся.

— Вы видите, — сказал он, — что зажигалка для сигар и некоторая ловкость могут заменить хорошее оружие. Я уничтожил все ваши доказательства — это стоит вашей пули. Эти доказательства — скажу откровенно — меня немного тревожили. Они могли быть лучшим ходом в вашей игре. Но теперь их нет и мы можем начать новую игру...

Лозин с отчаянием смотрел на этого человека, спокойствие и хладнокровие которого делали побежденного хозяином положения.

— Вы забыли, — сказал Лозин, — что я могу убить вас каждую минуту — именно это и будет лучшим ходом в моей игре. Не забывайте, что я имею на это законное основание: наш устав, в котором предписано убивать изменников.

— Это будет необдуманный и глупый шаг, — серьезно ответил Зибер. — И вы это сами понимаете. Когда вы поймали меня сегодня — я думал, что под влиянием минуты раздражения, вы убьете меня. Но теперь вы меня не убьете, Лозин — я знаю это хорошо. Вы не можете меня убить. Я читал в ваших глазах, как постепенно гасли в вас решимость, энергия, жажда крови, как вами начала овладевать нерешительность. И знаете почему? Потому что жена для вас дороже России, потому, что вы — тряпка. Один голос говорит вам: «Убей его сейчас же, сию минуту, он — провокатор, враг того, за что я борюсь. Кроме того... кроме того... он отнял мою жену... растоптал мое чувство». Но другой голос возражает: «Ты убьешь его, но ты потеряешь всякую надежду спасти Веру, потому что спасти ее — если можно еще спасти — в силах только он». Достаточно только одной мысли, одной слабой надежды, что я могу вам помочь, — и вы готовы забыть свою злобу и ненависть, свое право на мою жизнь. Когда я отказался написать вам советские документы, отказался дать вам единственный выход из положения, — вы растерялись, потому что почва ушла у вас из-под ног и вы на миг увидели залитое кровью, мертвое лицо той, кто вам дороже родины и кто имеет над вами большую власть, чем патриотизм, долг и ненависть к большевикам... Сознайтесь, что я прав, будьте честны. Иначе

ведь нечем объяснить то, что вы сидите со мной и ведете беседу вместо того, чтобы пристрелить меня.

Лозин хмуро молчал.

— Я сказал вам, — задумчиво продолжал Зибер, — что я готов к смерти. Но это неправда... Я не трус, но умереть сейчас мне хотелось бы меньше всего. Умереть, уйти из жизни теперь, сейчас, когда скоро, быть может, исполнится то, что служило мне целью жизни, что было мечтою многих лет. Согласитесь, — это тяжело, ужасно!

В его глазах появилось скорбное выражение. Он сгорбился, морщины пробежали по лбу, у глаз, у рта. В кресле сидел жалкий, измученный старик... Потух насмешливый, полный ума огонек в глазах, острый подбородок опустился, тонкие губы разжались, показав ряд желтых, прокуренных зубов.

«Лжет! Все лжет! — думал Лозин, глядя на него. — Актер, великий актер».

Смешанное чувство отвращения, недоверия к Зиберу и сознание собственной бесхарактерности, своего бессилия, овладело Лозиним. Он принужден был сознаться, что у него не хватит силы воли убить Зибера, что Зибер прав. Где-то в подсознании все время билась мысль, что только с помощью Зибера он может спасти Веру. Лозин чувствовал к себе презрение за свою слабость. Зибер читал в его душе, как в своей, знал каждую его мысль и имел на него какое-то необъяснимое, покоряющее влияние.

Зибер вздохнул, очнулся от задумчивости. В глазах его снова вспыхнул насмешливый огонек.

— Я не хочу умирать, — сказал он, закуривая потухшую сигару. — Я признался вам в этом. И не хочу не только потому, что этого не хочет мое здоровое, еще крепкое тело, не только потому, что могучий голос инстинкта, голос жизни, протестует против разрушения моего тела, — не хочу и потому, что этого не хочет, этому не верит мой дух, который говорит, что я не могу умереть сейчас, когда скоро будет достигнуто то, к чему я всегда стремился. Я не хочу, не могу умереть, я не *должен* умереть, — говорит мой дух. И я теперь спокоен, я черпаю спокойствие не только в

мысли, что моя смерть невероятна, не только в том, что я не верю в ее возможность сейчас, сию минуту, но и в мысли, что вы не сможете совершить этого убийства, потому что я вам нужен.

Он затянулся сигарным дымом и задумчиво продолжал:

— Но я понимаю ваше затруднительное положение. Вы думаете: «Ну хорошо, я пощажу его, — чем же все это кончится? Я могу его помиловать только под одним условием: он должен помочь мне спасти Веру. Но согласится ли он на это, а если согласится, то можно ли верить его обещаниям?» Я думаю, что мы могли бы пойти на компромисс: вы даруете мне жизнь, я приму все меры к спасению вашей жены. Мало того, я мог бы гарантировать вам совершенно свободную жизнь в СССР. В Европе вам жить теперь нельзя: вас посадят в тюрьму и будут судить. А в СССР я могу назвать вас своим агентом или секретарем. Под моим крылышком вы будете в полнейшей безопасности. Я не могу от вас требовать службы Советам, но, с другой стороны, я возьму с вас слово, что вы не воспользуетесь своим привилегированным положением во вред Москве. Я знаю вашу натуру. Вы слабовольны, но экзальтированы, порывисты. Сейчас вы обо всем забыли ради Веры, но ваш белобандитизм может снова проснуться и тогда вы — опасный враг...

— Вы говорите о том, — перебил Лозин, — что собираетесь требовать от меня. Что же должен потребовать от вас я, чтобы убедиться в искренности ваших обещаний? Где гарантия, что ваши обещания — правда, а не новый ход в той беспощадной борьбе, о которой вы все время говорили?

— Единственная гарантия, — ответил Зибер, — мое слово... Других гарантий я дать не могу. Хотите — верьте, не хотите — не верьте. Но у меня нет оснований вас обманывать. Если вы дадите слово, что не будете вмешиваться в политическую жизнь СССР, почему я должен вас предать? Лично против вас я ничего не имею. Наоборот... честное слово... я люблю вас, привязан к вам. Наши неприязненные отношения последних дней вызваны случаем... я не так ви-

новен, как вы думаете.. Я не добивался ее любви — клянусь вам! Все это случилось внезапно...

Наступила неловкая пауза. Потом Лозин с трудом сказал:

— А если мы опоздаем? Если Вера уже убита? Какого же я тогда сыграю дурака! Я останусь подлецом перед своими товарищами, не убив вас, и не получу за это Веры, ради которой я иду на эту... подлость.

Зибер пожал плечами.

— Ну, это ваш риск! Как хотите! Впрочем, я могу еще сегодня послать телеграмму с категорическим предписанием Янсону ограничиться арестом вашей жены.

— А Малявин? — спросил Лозин. — Я хочу его спасти.

— Хорошо, я пошлю телеграмму и о нем. Эту телеграмму придется послать в Ригу только с первой германской станции, так как здесь на телеграфе не примут шифра.

— Дадите ли вы слово, — прошептал Лозин смущенно, — оставить в покое мою жену?

— Охотно! Она мне... безразлична. Кроме того, после вашего рассказа о моей роли в «Союзе», она сама отвернется от меня. Вот увидите.

— Еще один вопрос: что сделать, чтобы спасти членов «Союза»?

— Боюсь, что теперь поздно, — серьезно сказал Зибер. — Нам нужно спастись самим — и как можно скорее. Каждая минута приближает нас к аресту...

Он посмотрел на часы.

— До отхода экспресса остается около двух часов. Мы должны торопиться, тем более, что у нас только один билет на двоих. Итак, вы согласны?

Мучительная борьба отразилась на лице Лозина. Он медленно опустил голову в знак согласия и положил браунинг в карман.

Зибер посмотрел на него, вздохнул и бросил:

— Идем!

Он собрал из всех ящичков стола бумаги, положил их в камин и поджег. Потом потушил электричество, они вышли и Зибер замкнул дверь, повесив на ней картон с надпи-

сю на русском и французском языках, что уехал по делам на две недели.

Утром они были уже на границе и, после переговоров Зиберы с немецкими чиновниками, выехали в Германию, что многим пассажирам поезда показалось странным: ни Лозин, ни Зибер не имели виз.

Глава 24

ЛОВУШКА

— Не знаю, как вы, — но я испытываю сейчас странное, смешанное чувство радости и печали, — Малявин смотрел в окно вагона на унылую равнину, окутанную вуалью мелкого дождя. — Через два часа мы достигнем границы и будем в России. Собственно, мы и сейчас уже на родине. Что может быть типичнее этой унылой, но родной сердцу равнины? Взгляните кругом, разве все это, что мы проехали, не русское, не русскими сделано руками, не русскими береглось и охранялось? Эти кирпичные домики, кирпичи, немецкая черепица на крышах не меняют дела. Мы на родине — и это и радует и печалит меня. Я бывал здесь когда-то; и сейчас мне радостно смотреть на этот знакомый пейзаж. Хочется поздороваться с ним и, несмотря на грязь, лечь и поцеловать родную землю. Но грусть охватывает, когда думаешь, что все это захвачено кучкой кровавых, беспринципных людей, в угоду своим безумным идеям заливших эту землю кровью. Что им родная земля? Их интернациональной, холодной душе ничего не говорят эти родные, милые пейзажи, им не дорога вон та поникшая под дождем березка или вон тот покрытый сосновой рощей овраг. Все это ничего не говорит их уму и сердцу. Они не любят России...

Вера смотрела в окно и грустные, как этот дождливый день, мысли наполняли ее голову. Малявин вздохнул, отошел от окна и, сев на диван, закурил папиросу. Воцарилось

молчание: каждый думал о своем.

Они сидели в отдельном купе, которое было им отведено Старком в предоставленном ему вагоне второго класса. Старк и шесть служащих его конторы, поехавших с ним в Москву, поместились в трех купе с другой стороны вагона, так что Вера и Малявин могли говорить свободно. Старк и его служащие, все, как на подбор, угрюмые, молчаливые, несимпатичные люди, не обращали внимания на Веру и Малявина и не мешали им.

— Какое впечатление на вас производит Старк? — прервал молчание Малявин.

— Самое отталкивающее, — ответила Вера. — Это какое-то тупое, грубое животное! Когда он приближается ко мне, я чувствую нервную дрожь, инстинктивное отвращение... Его служащие тоже хамы и грубияны... Когда мы садились в Риге в вагон, я споткнулась и больно ударилась о подножку. Я должна была присесть от адской боли на ступеньку. На площадке стояли и курили трое из этих молодых людей. Они не только не помогли мне, но один из них рассмеялся и сказал что-то по-латышски своим товарищам, после чего они все стали грубо смеяться. Я не сдержалась и сказала им несколько... теплых слов, но они не обратили на это никакого внимания и продолжали курить.

— Да, это характерно для этих грубиянов, — сказал Малявин. — Это какие-то особенные хамы. И я, знаете ли, Вера, начинаю беспокоиться, потому что они уж слишком странно относятся к нам. Их постоянные усмешечки и улыбочки при встрече со мною начинают казаться чересчур частыми и подозрительными: они производят на меня такое впечатление, как будто эти люди знают о нас... больше, чем мы думаем. Они ничего не могут знать, — чем же объяснить их враждебное к нам отношение? Я немного понимаю латышский язык, которому научился, побывав в Латвии на фронте полтора года. И вот сегодня я мельком услышал такую фразу: «Ну, этот не доедет!» Это было в коридоре, когда я проходил мимо двух из этих молодых людей. Я оглянулся и мне показалось, что эта фраза была сказана по моему адресу, уж слишком быстро они отвели глаза и сразу замол-

чали... Утром я передавал Старку сметы, проспекты и каталоги, о которых он просил в Риге. Меня поразило его равнодушие к этому. Он даже забыл о своей просьбе и спросил меня, что это за книжки. Когда я ему напомнил о его просьбе, он взял все эти тетради и книжки, но с таким видом, как будто они интересуют его меньше всего на свете. Странно, не правда ли? Вспомните-ка характеристику Старка, сделанную Зибером: жадный, скупой торгаш, который жадно ухватится за обещанные ему выгоды при посредничестве с Москвой. Как же согласовать такую характеристику с полным равнодушием Старка? Вы видели, что кроме разговора при нашем приезде, он не сказал и десятка фраз. Это нам-то, «торговым агентам» Зибера, с которыми «жадный торгаш» Старк должен ехать для организации пахнущего миллионами, колоссального торгового дела! Согласитесь, это странно, это наводит на размышления, что тут что-то не так.

— Не хотите же вы сказать, — перебила Вера, — что Зибер не знал, что делает? Не мог же он послать нас на такое серьезное дело, на смерть, не обдумав всех деталей. Надо думать, он знает Старка хорошо, если послал нас к нему. Просто эти люди — угрюмые, невоспитанные, грубые торгаши...

— Да, — сказал Малявин, — я тоже успокаиваю себя этими соображениями, но все-таки...

Он не закончил и стал снова смотреть в окно.

* * *

Вера осторожно, украдкой от Малявина, вынула из саквояжа фотографическую карточку, с которой на нее взглянуло умное лицо Зибера. Снова промелькнуло воспоминание... Это было в последнее их свидание, когда они прощались в тиши ночи, после нескольких часов страстного уга...

Она лежала на уютном диване, в странном забытьи, усталая, охваченная истомой, без мыслей о будущем, без дум о настоящем. Ей было так хорошо с ним — с любимым, умным, властным... Он сидел возле Веры, молча смотрел на нее и о чем-то думал.

— О чем ты? — спросила женщина.

Он вздохнул и провел рукой по лбу.

— Мне жаль тебя, Вера, — сказал он. — Молодая и прекрасная, — ты должна погибнуть. И я... я послал тебя на смерть...

— Милый, — сказала Вера. — Не думай сейчас об этом.

Он встал, подошел к столу, вынул из ящика фотографическую карточку и протянул женщине.

— Это мой последний снимок. Я даю его тебе сейчас с маленьким условием: ты не должна читать того, что написано на обороте — до тех пор, пока не переедешь границы СССР. Хорошо?

Она дала слово.

Теперь, пряча карточку от Малявина, Вера снова прочла то, что стояло на обороте:

«Никогда не думай обо мне дурно, Вера. Если я делал зло — только во имя других. Я предвижу, что наши пути встретятся. Ты не умрешь, а разочарование во мне исчезнет. Ты простишь мне все и снова вернешься ко мне. Так говорит мне знание жизни, так говорит мне мимолетное прикосновение к твоей нежной душе. Я знаю тебя. Прости мне те тяжелые минуты, что я доставил тебе».

Что это значило? Надпись была непонятна, загадочна и Вера по-прежнему пыталась проникнуть в туманный смысл этих торопливо набросанных на куске картона слов.

* * *

Поезд подошел к пограничной станции. Это был маленький грязный разъезд, заброшенный среди унылой равнины. Здесь вагон Старка должны были прицепить к советскому

поезду. Предстояла проверка документов и опрос членов торговой делегации. Вагон отцепили и несколько человек сцепщиков, схватившись за буфера, подкатили его к низенькому, мрачному станционному домику. Латышский поезд ушел обратно.

Малявин и Вера смотрели из окна на станционную платформу, где взад и вперед сновали вооруженные красноармейцы.

Молодые люди чувствовали себя отрезанными от всего мира. Поезд ушел обратно — и порвалась последняя нить, связывавшая их со свободной жизнью. Теперь они были в стране красных врагов и каждая минута могла принести им арест, мучения и смерть... Теперь настало время новых потрясений, звериной чуткости, искусной актерской игры, самообладания и первобытной хитрости... Сумеют ли они выдержать эту игру, хватит ли у них жизненного опыта и хладнокровия? И нервное возбуждение пронизывало их тысячами холодных игл: им предстояло на этой станции выдержать первый экзамен стойкости и хладнокровия.

В дверь купе постучали. Малявин открыл. Перед ним стоял один из служащих Старка. Не глядя на Малявина, латыш угрюмо буркнул:

— На станцию для опроса. Старк сказал.

Вера и Малявин вышли за латышом. На перроне встречались красноармейцы и железнодорожники. И все они, как показалось Малявину, смотрели на него и особенно на Веру с навязчивым любопытством.

Они вошли в станционную залу. Здесь было много народа: красноармейцы, какие-то люди в кожаных куртках, с красными розетками в петлицах, Старк и все его служащие. Старк сидел за столом рядом с молодым бритым человеком и курил трубку. В углу Малявин заметил сидящего на стуле и связанного веревками мужчину. Около стула стоял солдат с винтовкой.

Малявин и Вера подошли к столу. Бритый молодой человек — по-видимому, старший комиссар, — устало и равнодушно окинул их взглядом, потом небрежно уронил:

— Ваши бумаги!

Малявин протянул ему паспорта и удостоверения. Комиссар даже не взглянул на них и бросил на стол.

— Вы хотите ехать в Москву?

— Да... вместе с делегацией Старка.

— Слышал. Вы хотели бы увидеть главу компартии?

Малявин вздрогнул: неужели Старк проболтался?

— Мне все равно... но лучше было бы его повидать...

Во все время этого разговора в зале стояла полная тишина. Но при последних словах Малявина сзади кто-то рассмеялся. Малявин оглянулся. За его спиной стояли трое служащих Старка и смотрели в упор, — угрюмыми, недобрыми взглядами. Тень беспокойства и смутной догадки мелькнула в его душе. Он посмотрел на Веру. Она была спокойна, только легкая бледность указывала на то, что происходило в ее душе.

— Почему же это было бы лучше? — тихо и отдельно проговорил комиссар, взглянув на Малявина. В глазах комиссара Малявин прочел страшную усталость и еще что-то — как будто сожаление.

— Я не знаю, — ответил Малявин, — почему вы меня так настойчиво об этом спрашиваете... Я вхожу в состав делегации Старка и он, наверно, объяснил вам все...

— Да, он объяснил... — пробормотал комиссар. — У вас есть оружие ?

— Нет...

— Я должен вас обыскать... Карпенко! Посмотри!

Малявина и Веру обыскали, но ничего не нашли, так как револьверы были спрятаны ими за обшивку вагона.

— Этот допрос, — продолжал комиссар, — объясняется тем, что я получил сведения о готовящемся покушении на главу компартии. Сведения эти я получил из Москвы и Парижа

Малявин и Вера похолодели.

— Какое же отношение мы можем иметь... — начал было Малявин, но не кончил. Старк, сидевший до сих пор равнодушно и молчаливо, вдруг вскочил и с силой ударил по столу кулаком.

— Довольно комедии! — закричал он. — Я выдал вас, я! Какое они имеют отношение — подумаешь, какие ангелы. Я получил сообщение из Парижа от Зибера, что эти двое едут, чтобы убить наших вождей. Эти дураки думали, что я — торговый агент, купец. Да вы знаете, кто я такой? Я — Янсон, бывший помощник Юзбашева и Ганецкого*, агент ГПУ! Вы жили в отделении советского посольства, в красной контрразведке. Вы понимаете теперь, почему я вас поселил у себя на квартире и никуда не выпускал? Я боялся, что вы случайно узнаете, кто такой «рижский купец Старк». Да что там разговаривать — к стенке их, расстрелять!

Убитых, уничтоженных, побелевших от ужаса Веру и Малявина схватили. Офицеру скрутили веревкой руки. Вера была близка к обмороку и почти упала на подставленный ей солдатом стул.

— Слушайте, Янсон, — сказал бритый комиссар, когда шум утих. — Я получил точные инструкции из Москвы, что с ними делать. Мне приказано офицера расстрелять на второй от границы станции, а женщину привезти живой и невредимой в Москву. У меня сейчас нет лишних людей и все это исполнить придется вам. Вы возьмете своих шесть агентов и исполните все, что я сказал.

— Женщину увезти в Москву?! — вскричал Янсон. — Да что вы, с ума сошли! Да я ее расстреляю на следующей же станции, вместе с этим белобрысым офицериком! Из моих рук еще ни одна такая б... живой не уходила!

Теперь вскочил комиссар.

— Я здесь начальник! — закричал он и вся его усталость моментально исчезла; его лицо исказилось гримасой гнева и злобы. — Я вам дал приказ — и вы должны его исполнить! Если ты, прохвост, посмеешь обидеть женщину. — я сниму с тебя десять шкур при твоём возвращении! Я тебе

* П. А. Юзбашев (1884-1967) — революционер, советский партийный и хозяйственный деятель, в 1920-х гг. был советским представителем в Эстонии и Латвии и торгпредом в Италии; Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг, 1879-1937) — видный революционер, советский государственный деятель, в 1920-22 гг. торгпред РСФСР в Латвии.

покажу, что я здесь хозяин! Я тебе выдеру твою рыжую бороду! Не разговаривать! И к этому офицеру приказано никаких твоих любимых пыточек не применять. Только расстрелять — и дело с концом. Ну, отправляйся! Карпенко! Ты поедешь с ними и если эта рыжая сволочь попробует не исполнить моих приказаний — влечи ему пулю в медный лоб! Идите!

Янсон бросил на комиссара полный ненависти взгляд и вышел из залы.

Глава 25

ПЯТЬ ПУЛЬ В ОБРАГЕ

Веру и Малявина схватили и повели к вагону, который к этому времени был прицеплен к небольшому товарному поезду. Арестованных посадили в их прежнее купе, но с ними сели четверо агентов Янсона. Все они были теперь вооружены револьверами и винтовками, которые им принесли из станционной залы. В то же купе посадили и связанного человека, которого Малявин видел на станции. Это был молодой парень, по-видимому, простой крестьянин. Его бледное, жалкое, испуганное лицо было покрыто синяками, кровавыми ссадинами и ранами. Видимо, его сильно били и мяти, потому что он часто кашлял и выплевывал со слюной сгустки крови. Из слов конвойных Малявин понял, что этот парень — дезертир из Красной Армии, пытавшийся перебраться через границу и пойманный прошлой ночью. Ему предстояла та же участь, что и Малявину.

Парня, Малявина и Веру посадили на один диван. Напротив, поставив винтовки между ног, уселись конвойные. Они курили трубки и папиросы и лениво перебрасывались фразами на латышском языке.

Малявин был пришиблен, уничтожен всем происшедшим. Все казалось таким невероятным, невозможным, что мозг отказывался верить этому трагическому финалу их

поездки... Случившееся казалось дурным сном; казалось, достаточно закрыть глаза, а потом открыть их, чтобы все стало по-прежнему. И он ловил себя на том, что проделывал это: закрывал и открывал глаза. Однако, перед ним ничто не менялось: он видел синие клубы табачного дыма, мрачные лица латышей... Он не был трусом, но внезапность, бессмысленность предстоящей смерти заставили его трястись мелкой, нервной дрожью. Он готов был заплакать от чувства беспомощности и досады на себя за свою доверчивость и глупую неосторожность. «Зибер! — думал он с ужасом. — Это сделал Зибер! Кто же он, этот бледный человек, который сделал их своей игрушкой? Господи, неужели этот человек — гнусный предатель!» И чем больше он думал о Зибере, чем больше вспоминал такие горячие, такие искренние слова Зибера, тем чудовищней, абсурдней казалась мысль о его предательстве.

Он взглянул на сидевшую рядом с ним Веру. На ее лице застыло выражение бесконечного отчаяния, безумного ужаса.

— Вера! Бедная Вера!

Она медленно повернула к нему голову и в ее расширенных, провалившихся в глубину черных впадин глазах он прочел бесконечную муку и страдание... Глаза смотрели на него и как будто не видели; слезы бежали по щекам и скатывались на дрожащий подбородок. Она, видимо, едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Она пошевелила губами и он скорее угадал, чем услышал:

— Неужели... Зибер?

Он ничего не ответил и опустил голову...

* * *

— Ну-с, попались, «торговые агенты»!

В дверях стоял с наглой усмешкой Янсон. Он выбил трубку об косяк и посмотрел на арестованных. Малявина

взорвало:

— Вы что же — издеваться пришли?

Янсон ничего не ответил; он лишь мрачно посмотрел на арестованных и сказал что-то, повернувшись к конвойным. Один из них поднялся и подошел к двери. Янсон сделал шаг в коридор, но возглас Малявина остановил его:

— Подождите! Скажите... кто такой Зибер, о котором вы упоминали?

— Зибер? Это наш агент, руководитель советской пропаганды в Париже, — ответил Янсон и вышел.

Малявин услышал рядом легкий вскрик. Он оглянулся и увидел, как Вера упала на пол без чувств...

* * *

Их вели в сторону от железнодорожного пути, к видневшемуся в овраге какому то плетню. Дождь перестал, но небо было по-прежнему свинцовое и тело охватывала холодная, пронизывающая сырость. Ноги скользили в мокрой, хлопающей глине и Вера несколько раз падала на грязную дорогу. Малявин поднимал ее и поддерживал за талию. Впереди с трудом плелся парень-дезертир и время от времени выплевывал в грязные лужи сгустки крови. Сзади тяжело шагал Янсон, красноармеец Карпенко и шесть латышей.

Малявин с отчаянием в душе сделал последнюю попытку:

— Послушайте, Янсон! Вы не имеете права убить женщину! Я слышал, что вам сказал комиссар. Вы будете отвечать за это: ведь комиссар получил приказание доставить Лозину в Москву живой...

Янсон угрюмо молчал. Тогда Малявин обратился к Карпенко:

— Ведь вам приказано проверить правильность действий Янсона. Как же вы допускаете нарушить приказ?

Карпенко усмехнулся дородушной усмешкой:

— Та, что я могу зробить: вы бачите — их семь, а я один!

Но потом, улучив удобную минуту, когда он случайно приблизился к Малявину, хохол шепнул:

— Они только пугать ее хотят: не убьют!

Они достигли оврага. По красному от глины склону свесилась кучка жалких, корявых деревьев. Ветер гнул их и мокрые желтые листья разлетались по оврагу.

Малявина и парня связали вместе и поставили в одном углу плетня; падающую от слабости Веру привязали к столбику в другом углу. Против Малявина и парня стали пять латышей. Янсон и еще один латыш стали против Веры. Карпенко равнодушно и спокойно свертывал сигарку: такие сцены он видел часто.

Отчетливо и сухо щелкнули затворы винтовок. Один латыш замешкался и торопливо задергал затвор: застрял патрон. Янсон скверно выругался и погрозил латышу кулаком.

— Винтовку не чистишь, сволочь! Набью морду! — сказал он почему-то по-русски.

Малявин с трудом повернул голову и посмотрел в сторону Веры. Но прикрученный к нему веревками парень мешал видеть ее лицо. Малявин крикнул:

— Прощайте, Вера! Глупо так умирать, но умрем мужественно! Вы слышите, Вера?

Она не отвечала... Остановившимися глазами она смотрела, как пять винтовок поднялись и направились на связанный живой клубок. Янсон подошел к латышам, готовый командовать. Мелькнула мысль — «сначала их, потом меня» — и исчезла...

Малявин быстро взглянул на лицо парня: глаза были закрыты, рот открывался и закрывался, как у рыбы, вытасченной на берег. Потом посмотрел на пять маленьких черных отверстий, стоявших в воздухе против него, хотел что-то крикнуть и не успел...

Сухой залп разорвал воздух. Два тела упали в жирную глину. Вера увидела, как быстро, быстро задергались в предсмертной агонии руки и ноги, услышала свистящий хрип... и, потеряв сознание, повисла на веревках...

— Пришлите потом зарыть эту падаль, — брезгливо морщась, говорил Янсон. Он посмотрел на Веру и злобно усмехнулся:

— Нежная пташка: закатила глазки! Я хотел ее попугать холостыми патронами. Ну, да черт с ней! Холодной водой обольем — очухается!

Веру развязали и два латыша подняли ее на руки. Все двинулись к железнодорожному полотну. Поезд ждал их на разъезде.

* * *

Это было в Москве, на Арбате, в одном из колоссальных особняков, конфискованных под советские учреждения. Большая квартира Зиберы была предоставлена Лозину, который перевез сюда из больницы заболевшую от потрясения Веру. Телеграмма, посланная Зибером из Германии, запоздала и Малявина не удалось спасти, но Вера, благодаря письму Зиберы, была пощажена и привезена в Москву. Лозин быстро разыскал свою жену.

Зибер сдержал свое слово и Лозин пользовался абсолютной свободой, как личный секретарь парижского агента Коминтерна.

Но Лозин совершенно не думал о своем положении и о будущем. Дни и ночи он сидел у постели больной и наблюдал, как это исхудавшее тело боролось со смертью.

В этот вечер он сидел у изголовья кровати Веры, когда стук в дверь вывел его из задумчивости.

— Войдите.

В дверях стоял Зибер.

— Пришел проведать больную. Как она?

— Да все по-прежнему, сознание не возвращается.

— Но доктор сказал мне, что опасность прошла, — проговорил Зибер и посмотрел на больную долгим, внимательным взглядом.

Этот взгляд и звук голоса Зиберы сделали чудо. Вера открыла глаза и обвела непонимающим взглядом комнату...

посмотрела на двух собеседников. Сначала она взглянула на Лозина и луч радости скользнул по ее лицу. Потом она посмотрела на другое лицо — бледное, тонкое, насмешливое. И вдруг выражение ужаса появилось в глазах Веры... Она приподнялась на постели и слабым, дрожащим голосом, протянув руки вперед, сказала:

— Вы! Вы здесь? Чудовище, предатель! Вы знаете, что сделали ваши звери с Малявиным... они его... эти звери... этот Янсон!.. Уйдите отсюда, уйдите!

Она истерически зарыдала и бросилась в угол кровати...

Зибер вышел.

Через полчаса, когда Вера успокоилась и уснула, Лозин выскочил в коридор, к Зиберу. Тот встретил его обычной насмешливой улыбкой.

— Ну вот, вы... можете теперь меня... не бояться. Я противен ей и отвергнут... навсегда. Сцена убийства перевернула ей душу...

Глава 26

ДОВОЛЬНО ТЕРПЕТЬ, ГЕРМАНИЯ

Это важное, грозящее миру новой вооруженной борьбой заседание происходило в маленьком силезском городке, недалеко от бранденбургской границы. Решались судьбы Германии и всего мира, так как военное возрождение Германии должно было изменить ход истории и снова потрясти мир.

Здесь, в этом скромном домике отставного полковника Геймера, собрались горячие патриоты и национальные герои минувшей войны. В опрятном зале домика сидели и слушали докладчиков шестьдесят пять генералов и полковников, державших так недавно в своих руках миллионную, железную, непобедимую армию.

В настоящую минуту все они готовились выслушать речь генерала Эльма, разложившего перед собой бумаги и записки и торопливо докуривающего душистую гавану. Он встал, взволнованно обвел голубыми глазами собравшихся и начал:

— Господа! Все то, что я намерен вам сейчас сказать — уже давно накипело в наших душах и давно просится наружу... Перед каждым из нас назрели вопросы, решения и выводы, созданные железной логикой необходимости и целесообразности для нашей измученной родины.

— Довольно молчать. Германия, довольно терпеть: у нас давно уж нет больше сил для этого! Непобедимая Германия, Германия железных Гогенцоллернов. Германия, завоевавшая Шлезвинг-Гольштейн и Эльзас-Лотарингию, Германия, знавшая Садовую и Седан, Германия, четыре года выдерживавшая адскую борьбу со всем миром, — разбита, побеждена. Не вам говорить, что победа и поражение сменяют друг друга и нет того полководца и той страны, которым военное счастье улыбалось бы всегда. Более велик тот, кто мужественно переносит поражение, чем тот, кто легкомысленно пользуется своей победой... Мы побеждены и готовы мужественно перенести свое поражение... У нас не было после окончания войны других желаний, как честно заплатить за проигранную игру... Ставки были велики и мы готовы были заплатить много. У нас не было к Франции особых неприязненных чувств. Мы испытывали вполне естественное чувство досады за свое поражение, но мы понимали, что игра была честная и обвинять Францию за то, что она удачно выдержала борьбу, было бы смешно. С такими чувствами мы встретили наше поражение. Мы не просили великодушия, но мы ждали справедливости...

И этой справедливости нам не дали...

По отношению к нашей стране повели политику нашего исчезновения из ряда великих народов, нашей военной и экономической гибели, нашей полной зависимости от победителей, нашего рабства... Германец, которому мир обязан культурой, — стал рабом, работающим на своих господ... Он отдает им то, что зарабатывает; ему оставляют то, что

нужно, чтобы не умереть с голода. У нас отняли наш флот — нашу надежду и силу. У нас отняли оружие, уничтожили военные заводы, срыли крепости, отняли машины, запасы стали и железа, угля и нефти; отняли тысячи паровозов, десятки тысяч вагонов, запасы рельс. Сделано все, чтобы подорвать нашу экономическую жизнь, торговлю и промышленность. У нас отняли колоссальное количество лошадей, коров, быков, свиней, овец; в свое время французы дошли даже до того, что забирали куриц и яйца.

На нас наложили контрибуцию в 140 миллиардов марок. Чтобы обнять всю грандиозность этой цифры, нужно вспомнить, что на всем земном шаре добыто золота только на 70 миллиардов марок. Нас обложили контрибуцией, которой мир еще не видел.

Мы терпели и терпели, сжав зубы, и ни словом, ни намеком не показали, как тяжело нам переносить нашу национальную гибель, ибо наша вера в мощь и жизненность германского народа безгранична. Мы не видели просвета и не видели ни одного сочувствующего нам взгляда. У нас не было и нет друзей. И тем больше, следовательно, мы должны уповать на себя и на свою патриотическую мощь. Нас не обманывала политика Франции, делавшей вид, что она ищет пути к сближению и мирному экономическому сотрудничеству. Эти пути — пути к тому, чтобы дать нам передохнуть и потом ограбить нас до конца. Во Франции есть умные люди: они понимают, что нельзя резать курицу, несущую золотые яйца: надо дать ей оправиться и подкормиться.

Мы терпели, когда нас грабили, мы терпели, когда была нарушена целостность германского народа и германской земли. Мы потеряли 72,500 квадратных километров земли, 7,500,000 населения... У нас отняли Эльзас-Лотарингию. Познань, часть Нижней Силезии, кусок Восточной Пруссии, Данциг с «польским коридором», Мемель, Эйпен, Мальмеди и, наконец, стали потрошить Верхнюю Силезию... и чаша терпения почти переполнилась...

Народ не хотел спокойно смотреть на свою гибель, он не мог смотреть. И вот возникло добровольческое движение и в Верхнюю Силезию потекли отряды лучших, смелых и пат-

риотичных людей. Это был ответ на разграбление Германии и мы не могли пропустить этого ответа мимо своих ушей. «У нас отнимают Силезию!» — прозвучал тревожный сигнал и Германия заволновалась. Верхняя Силезия — наша сила, основа нашей экономической жизни, опора нашей промышленности. Верхняя Силезия — страна каменного угля, железной руды, извести, свинца, цинка, кокса, бензола, страна лесов, страна каменноугольной, железнодорожной, химической, бумажной промышленности. И эту страну у нас отняли в пользу поляков. Поистине, это был безумный удар, который отрубал правую руку работающему на своих господ рабу! Безумный шаг, который побуждал рабов восстать на своих угнетателей и сбить со своих скованных рук цепи!

Но тогда время еще не пришло и мы, скрежеща зубами от ярости, заставили наш народ снова замолчать и снова подчиниться. Начатая в Силезии борьба заглохла и раб снова послушно понес свое ярмо...

А помните вы тот страшный день, когда торжествующие, надменные французы попрали немецкую землю и ворвались в Рур? Как щупальцами они захватили самое сердце Германии, чтобы выдавить из него последнюю каплю крови... Как передать тот ужас, то бешенство, те страдания, которые охватили нашу страну? Где найти краски, чтобы нарисовать муки немецкого народа при таком грубом нарушении всех законов, прав и условий? Культурная Франция, которая еще так недавно кричала о германских варварствах, которая вопила, что она борется во имя права, справедливости, ввела в Германию свои чернокожие войска — дикарей и людоедов из Африки — и этим исчадиям ада отдала в руки самую цветущую и культурную область Германии — страны, больше всех других стран вложившей ценностей в великую сокровищницу человеческого духа.

Чем измерить этот цинизм? Чем измерить цинизм *прекрасной* Франции, отдавшей наших женщин во власть грязных негров путем ряда приказов, достойных самого мрачного периода Средневековья? Чем измерить наглость французов, которые пытали, мучили, сажали в тюрьмы, расстрели-

вали мирное население? И, наконец, чем измерить святое терпение великого германского народа, который и здесь показал каменную выдержку, который и здесь не сделал ни одного промаха, ни одной ошибки, могущей нас окончательно погубить?.. Придет время — и этому гениальному терпению мы поставим памятник — памятник, фундаментом которому будет служить гранит — нервы нашего народа, серединою — кремень — душа наша и вершиною — кристалл — беззвучные святые слезы немецкой женщины...

И это время приходит! Падают последние капли, которые переполняют даже наше, ставшее пословицей, немецкое терпение...

Мы больше не можем, не хотим, не *должны* терпеть, ибо иначе нас проклянет Германия, проклянут наши внуки и дети уходящих в туман будущего столетий! Мы ринемся в кровавую борьбу со всем пылом обиженных, оскорбленных, борющихся за свою жизнь и за свою свободу! Мы победим или умрем! Другого исхода нет и другого исхода мы не хотим! Да здравствует наша родина, наша армия и наша борьба за освобождение великого германского народа!

Зала огласилась криками «Хох! Хох!» Эти суровые, пожилые люди пожимали друг другу руки, с блеском радости и вызова в глазах, и кричали, захлебываясь от юношеского возбуждения...

Глава 27

СОЮЗ ДВУХ ПОЛЮСОВ

Поднялся следующий докладчик, генерал Лаубниц.

— Господа! Мне поручено разработать вопрос об основах наших отношений с СССР, на могущественную помощь которого мы возлагаем большие надежды.

Нам нечего скрывать друг от друга, мы можем быть вполне откровенны друг с другом: мы монархисты и толь-

ко в монархии видим славу и могущество Германии. Но это не значит, что мы хотим навязать свою волю, что мы хотим повести свою родину к свободе под знаменем монархии. Мы не ставим родине условий, мы не говорим ей: «Если хочешь быть свободной — прежде всего восстанови монархию!» Мы не желаем ставить родину в зависимость от государственного строя, так как мы, прежде всего, патриоты, а потом уже монархисты. Мы скажем народу: «Прежде всего свобода, а потом выбирай себе управление, как хочешь». Я верю, что все — от графа до тряпичника — пойдут за нами. Я верю, что после победы народ — благоразумный, добрый немецкий народ — сам придет к монархии. Мы и будем ему помогать в этом *потом*, а сейчас — наш лозунг должен быть общим и для монархиста и для социалиста: «Долой рабство и да здравствует единая могущественная Германия!»

С другими целями, намерениями и надеждами идет с нами плечо о плечо СССР. Эта страна, в которой проводится безумное, чуждое нам и опасное учение. Наши идеологии столь различны, противоположны, что и сам союз с Советами кажется сплошным абсурдом, сплошным безумием. Мы — националисты, они — космополиты, мы идем за торжество индивидуальности отдельных народов; они — за торжество интернациональной смеси по рецепту Карла Маркса; мы видим силу в буржуазии и монархии; они — в всеобщем социально-коммунистическом строе. В чем же общность нашей идеологии? Абсолютно ни в чем! Наша и их идеологии — северный и южный полюсы. В чем общность целей? Эта общность — только в ближайших непосредственных действиях. Мы хотим напасть на Францию, чтобы освободиться от Версальского договора; они хотят тоже напасть на Францию, чтобы начать всемирную социально-коммунистическую революцию. Нападение на Францию, — вот в чем основа нашего союза. Союз наш шаткий, но что же делать? Сами мы не можем рискнуть на борьбу; в союзе с большевиками мы победим. Разве история не знает примеров противоестественных союзов? Сколько угодно! Но, господа, сейчас же напрашивается вывод: «Этот союз случаен; основа его чрезвычайно слаба. Мало того, этот союз опасен

для нас, так как, по существу, наш союзник в ближайшем будущем — наш враг в будущем далеком. Ставя своей целью всемирную революцию, он не может обойти нас и должен будет рано или поздно напасть на нас. В этом — железная логики, естественная неизбежность и мы должны это ясно видеть. Но достаточно ли мы сильны, чтобы встретить эту новую опасность в будущем? По-моему, да.

Поведение нашего народа ясно доказало, что ни деньги, ни пропаганда большевиков не могут поколебать идейных основ мировоззрения и житейского благоразумия немцев. Здоровый разум германцев и здоровое чувство критики подсказывают нашему народу всю утопичность, все безумие большевизма. Он никогда не пойдет за большевиками. Государственно мыслящий германский народ сумеет дать отпор московским безумцам, если бы они попытались превратить Германию в опытное коммунистическое поле. Подумайте о том, какой порыв национальной любви и воодушевления охватит Германию, когда она раздавит Францию и разорвет цепи рабства! В этом порыве наша защита от большевизма. Подумайте о том, что у нас снова будет миллионная, могучая армия, и в этой армии — тоже защита от большевиков!

Но наша сила не только в нашем патриотизме, наша сила в слабости большевиков. Они не могут нас обмануть, мы знаем, что творится в России. Этот великий красный поход на Европу и Индию — последний удар, который они нанесут миру перед своей гибелью. Недаром все растут кадры невозвращенцев — этих крыс с тонущего корабля. Красная Армия настроена критически к Советам, командный состав, в большей своей части, мечтает о свержении Советов. Дух армии поддерживается жестокой дисциплиной и террором. Тем не менее, эти армии пойдут и будут драться хорошо, как дрались еще с Колчаком, Деникиным и другими русскими генералами.

Но... не забудьте того, что эти армии пойдут на Европу; они увидят, что другие народы, вопреки уверениям советских вождей, живут хорошо, голода не терпят и наслаждаются всеми благами буржуазного строя. Не наведут ли их эти

картины на некоторые размышления? Не разочаруются ли русские солдаты в своих вождах, не поймут ли они всю ложь большевистских обещаний? Вспомните, что войска будут удалены от влияния Москвы, что дисциплина в условиях войны неизбежно ослабевает, что боязнь московских тиранов, слепая уверенность в их непогрешимости исчезнут. Психологически эти массы будут готовы к восстанию и, если найдутся вожди и талантливые агитаторы — они увлекут за собой армию. Это неизбежно, господа, и это будет.

И вот, говорю я вам, мы должны использовать это движение и помочь восстанию и восставшим. В этом восстании — гарантия нашей собственной безопасности. Мы спасем себя от нападения большевиков и заслужим благодарность будущей великой России. Освобожденная и сильная Германия не может терпеть рядом с собой царство кровавых тиранов, ежеминутно грозящих ее безопасности. Свергнув же их, Германия упрочит отношения с воскресшей и благодарной Россией.

Разумеется, мы сделаем это только тогда, когда будет решена главная задача — разгром Франции. Сейчас мы должны помнить, что Квасная Армия — наш союзник и что мы должны соблюдать по отношению к ней полную лояльность. Нам нет дела до России и ее внутреннего положения, пока не разгромлена Франция. Лишь использовав Красную Армию, мы можем способствовать тому, чтобы она свои штыки направила против Советов, потому что только тогда интересы национальной России совпадут с интересами национальной Германии. Это сделать будет легко еще и потому, что Красная Армия будет отрезана от своей базы — СССР, она будет получать продовольствие по нашим дорогам, ее штабы будут в наших или в завоеванных французских городах. В нужную минуту мы арестуем всех ответственных большевистских вождей и сумеем воздействовать на русские части в желательном направлении.

Вот, господа, наш план взаимоотношений с СССР. Этот план диктуется интересами Германии в настоящем и будущем.

Я знаю, что Советы надеются, использовав наш национализм, насадить у нас коммунистическое учение. Как ви-

дите, они, как и мы, хотят воспользоваться помощью союзника и потом свернуть ему шею. Кто кому свернет шею — они нам, или мы им — покажет будущее. Уверен, что мы лучше их знаем положение вещей и шею свернем мы им!..

Пока же мы должны искренне помогать красным армиям, перевезти их на Рейн и снабдить всем необходимым. Но, вместе с тем, мы должны зорко следить, чтобы большевики не вели в Германии пропаганды, чтобы их армия не имела близких сношений с нашими армиями, чтобы они не имели на страну никакого влияния. В то же время мы должны внимательно изучить Красную Армию, ее настроения и способы, какими можно будет, когда настанет время, использовать ее против Советов...

Глава 28

ТЕНЬ НАД ФРАНЦИЕЙ СТУЩАЕТСЯ

Следующий докладчик нарисовал общую схему наступления на Францию.

— Могущественный, победоносный, закованный в броню, снабженный всеми достижениями военной техники, стоит перед нами надменный враг — Франция. Теперь она — законодательница не только в дамских модах, но и в военном искусстве, так как победителя не судят и не критикуют. Молчаливо признано всем миром, что французская армия — верх достижения в военном деле. Не будем спорить и опровергать это положение и бросим сначала внимательный взгляд на суть вещей, сделаем анализ состояния, в котором находится база, основа этой армии — сама Франция, сам французский народ. Посмотрим, в чем слабое место Франции, в чем она уязвима, а, следовательно, в чем уязвима французская армия, которую теперь называют *непобедимой*.

Когда подводишь итоги минувшей войны, одно обстоятельство сразу бросается в глаза, кричит о себе и подсказывает грозные для Франции выводы. Это — тот факт, что

Германия выставила на поле боя менее 50% всех военно-обязанных, а Франция — 80%. Иначе говоря, чтобы выставить необходимое количество солдат, Франция должна была призвать почти все население, способное носить оружие, а Германия — только часть. В то время, как жизнеспособная, здоровая Германия растет непрерывно, в то время, как никакие невзгоды и неудачи не могут остановить этого буйного роста, — Франция хиреет, ее живая, народная сила убывает и нет того средства, которое могло бы остановить угасание талантливого, но одряхлевшего народа. Франция победила, но эта победа — Пиррова победа: Франция потеряла слишком много крови. Народонаселение Франции, утратившей жизнеспособность, изнеженной и слабой, медленно, но верно идет на убыль. В этом трагизм Франции, в этом ее национальное несчастье... Вот, господа, то *слабое* место, которое мы ищем. Французы любят повторять, что вымирание Франции — это легенда, придуманная немцами. Но это не легенда, это жизнь! И в этом нетрудно убедиться.

Если мы даже поверхностно просмотрим труды французских политиков и военных, мы на каждой странице, в каждой строчке найдем вопль бессилия, ужас перед вымиранием своей нации, жалкие попытки найти способ, как избежать гибели. Чем объяснить, что могущественная французская армия во время Великой войны сидела в окопах вместо того, чтобы выйти в открытое поле и сразиться с врагом грудь с грудью? Все тем же — экономней живой силы, страхом перед своим вымиранием, желанием сохранить наиболее жизненный элемент нации — элемент, которого — увы — так мало... Сила современной французской армии в том, что она закована с ног до головы во все технические достижения современной науки, что она может в любую минуту окружить себя облаками удушливого газа, покрыть себя сверху тучами аэропланов, выставить стальную стену танков, сеющих огонь и ужас. «Сила армии — в технике!» — вот клич, которым утешает себя Франция.

И в этом опять сознание своей немоги, так как техника принята французами не как вспомогательное оружие, а как центр всей защиты. *Техника должна заменить людей,*

которых слишком мало... Франция — колосс, опора которого прогнила, который удерживается от падения подпорками и заплатами, созданными военной наукой. Как Дамоклов меч висит над Францией сознание, что настанет час, когда Германия добьется реванша за свое поражение. Как спасти себя от этого реванша, когда с каждым днем Германия в своей людской силе все более и более перегоняет Францию? И вот, у французских государственных людей явилось решение страшного вопроса. Спасение — в цветных батальонах, спасение в людском материале из колоний. Еще в голове национального героя Франции — покойного маршала Фоша — явилась мысль создать «стомиллионную» франко-африканскую нацию, обладающую неисчерпаемым людским материалом. Нет нужды, что рядом с утонченным, изнеженным парижанином в будущем бою за прекрасную Францию будет стоять дикий суданский негр. В нем спасение Франции, а потому — «Да здравствует негр!» Вот он, подлинный трагизм культурной нации, когда вся надежда ее в первобытном дикаре, в своем развитии недалеко ушедшем от животного! Если мы вспомним историю последних дней изнеженной, угасающей Римской империи, то увидим подобную же картину построения своего благополучия на первобытной жизнеспособности многочисленных варваров...*

Пусть не думают наши враги, что технически мы — ничто. Превыше всего мы ставим дух и живую силу, но мы не забыли их защитить всем тем, что придумал для войны человек. Руководители нашей военной промышленности клянутся, что Германии достаточно месяца, чтобы восстановить производственную мощь 1918-го года. Наши враги забывают, что семь миллионов солдат, ушедших по домам в 1918 году, унесли и спрятали столько оружия, сколько могли унести. Теперь мы напомним им, что семидесятимиллионный

* Далее нами опущен небольшой фрагмент многословных скучнейших рассуждений, сводящихся к тому, что военный план Франции предусматривает задержание атакующей армии на границе относительно слабыми силами метрополии до прибытия колониальных войск.

народ может спрятать достаточно оружия для того, чтобы вести борьбу за свою свободу.

Против плана французов мы создали свой план. Вот этот план — в двух словах. СССР нападает на Польшу с фронта, мы — с тыла. Польша будет раздавлена. Австрия и Венгрия в короткий срок давят Чехословакию. 500,000 красных солдат и Болгария душат Румынию. Италия, Турция и, возможно, Греция разделяются с Югославией.

Двухмиллионная советская армия проходит через Германию на Рейн, который защищается от французов заслоном из наших отборных частей. Когда германская армия будет готова, — начнется общее наступление на Францию.

Чтобы помешать подходу черных войск во Францию, мы должны отрезать от нее Африку. Как сделать это, где решение этой задачи? Решение дают результаты подводной войны, которую мы вели в 1915-1918 годах во всех морях, где можно было принести вред нашим врагам. Сосредоточив в Средиземном море некоторое количество подводных лодок дальнего плавания, мы сумеем создать такую обстановку, что ни одно судно не сумеет показать носа из порта. Три года в Германии и СССР шла тайна постройка новейших подводных лодок. Теперь мы имеем их достаточное количество. Мы построили базы в Черном море и в Малой Азии и оттуда будем действовать по всему Средиземному морю, а главным образом в западной его части, чтобы отрезать Францию от Туниса, Алжира, Марокко, Сенегамбии. Мы посеём на берегах Африки отчаяние и ужас. Мыотрежем Францию от ее последней надежды, от ее последнего спасения. Ни один черный солдат не будет пропущен во Францию.

Вот наш план — в общих чертах. Долой позиционную войну! Наступление в открытом поле! Наступление, *всегда наступление*, всегда вперед — через французские танки, через французскую технику, через изнеженную французскую армию — вперед — к свободе и счастью германского народа!..

Конец первой части

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.